

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- Н. С. БОНДАРЬ судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ
- Ш. ВЕБЕР профессор экономики Южного методистского университета (США)
- Г. А. ГАДЖИЕВ судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
- А. ГАМИЛЬТОН Ее Светлость герцогиня Аберкорнская (Великобритания)
- Р. ГЕРРА доктор филологических наук Парижского университета (Франция)
- А. А. ГРОМЫКО профессор факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ ректор СПбГУП, чл.-корр. РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ
- Ю. П. ЗИНЧЕНКО декан факультета психологии, заведующий кафедрой методологии психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- Х. КАРЗАЙ директор-основатель Центра по изучению конфликтов и мира (Афганистан)
- Г. КЁХЛЕР президент Международной организации прогресса (Вена, Австрия), профессор Университета Инсбрука, доктор философии
- М. И. КЛЕАНДРОВ член-корреспондент РАН, судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ
- Г. Б. КЛЕЙНЕР заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
- П. ван КРИКЕН профессор международного права и прав человека Университета Вебстер (Лейден, Нидерланды), доктор
- А. И. КУЗНЕЦОВ директор Историко-документального департамента, член коллегии МИД РФ, кандидат исторических наук, Чрезвычайный и Полномочный Посол
- В. А. ЛЕКТОРСКИЙ заведующий отделом эпистемологии и логики Института философии РАН, академик РАН, академик РАО, доктор философских наук, профессор
- Р. ЛЬЮИС президент Международного института языкового и кросс-культурного тренинга “Richard Lewis Communications” (Великобритания), профессор
- В. Л. МАКАРОВ директор Центрального экономико-математического института РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор
- Е. И. МАКАРОВ заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России, научный руководитель Центра мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов СПбГУП, Почетный профессор СПбГУП
- Х. А. МАРК Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в РФ (2008–2011)
- Т. О’ШИ ректор Эдинбургского университета (Великобритания), Почетный доктор СПбГУП
- М. Б. ПИОТРОВСКИЙ директор Государственного Эрмитажа, председатель Конгресса петербургской интеллигенции, член-корреспондент РАН, академик Российской академии художеств, доктор исторических наук, профессор
- В. С. СТЕПИН руководитель Секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- СЮЭ ФУЦИ заведующий Отделом стратегических исследований Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Академии общественных наук КНР, доктор философии

К. ТАПИОЛА	специальный советник генерального директора Международной организации труда (Женева, Швейцария)
М. Л. ТИТАРЕНКО	директор Института Дальнего Востока РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
В. А. ТИШКОВ	директор Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, руководитель Секции истории Отделения историко-филологических наук РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
П. П. ТОЛОЧКО	директор Института археологии Национальной академии наук Украины, академик НАН Украины, иностранный член РАН, доктор исторических наук, профессор
Ж. Т. ТОЩЕНКО	член-корреспондент РАН, декан социологического факультета, заведующий кафедрой теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института социологии РАН, главный редактор журнала «Социологические исследования», доктор философских наук, профессор
В. Т. ТРЕТЬЯКОВ	декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова
У ЭНЬЮАНЬ	директор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Академии общественных наук КНР, профессор
Ф. УНГЕР	президент Европейской академии наук и искусств (Зальцбург, Австрия), профессор, доктор
В. Е. ЧУРОВ	председатель Центральной избирательной комиссии РФ, профессор СПбГУП
Ю. С. ШЕМШУЧЕНКО	директор Института государства и права им. В. М. Корецкого Национальной академии наук Украины, академик НАН Украины, иностранный член РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники Украины

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Глубокоуважаемые коллеги, дорогие друзья! С 1993 года в нашем Университете традицией стали ежегодные Дни науки, инициатива проведения которых принадлежит Дмитрию Сергеевичу Лихачеву. В 2001 году Президент РФ В. В. Путин издал указ, в котором в качестве одной из мер по увековечению памяти ушедшего из жизни академика Дням науки в нашем Университете был придан статус Международных Лихачевских научных чтений. Сегодня мы отмечаем 20-летие Дней науки в нашем Университете, 13-й раз они проводятся в статусе Международных Лихачевских научных чтений. Одним из соучредителей Лихачевских чтений является Конгресс петербургской интеллигенции — организация, зарегистрированная в 1999 году по инициативе Д. С. Лихачева. Ее председатель — Михаил Борисович Пиотровский, которого я прошу открыть Чтения.

М. Б. ПИОТРОВСКИЙ: — Дорогие коллеги! Прежде всего я хочу вас поблагодарить за то, что вы здесь сегодня собрались. По моему мнению, то, что мы здесь делаем, важно и имеет большую общественную и научную актуальность. Как председатель Конгресса петербургской интеллигенции, я хочу сказать, что сегодня интеллигенция необходима. Казалось бы, все спокойно, интеллигенция сделала свое дело (плохое или хорошее), можно жить нормально. Но необходимо, чтобы интеллигенция вновь приняла активное участие (может быть, с ошибками) в общественной жизни (в частности, связанной с диалогом культур), потому что ситуация обостряется.

В настоящее время проходит Петербургский международный юридический форум, где по инициативе музеев будет проведен специальный круглый стол, посвященный обострению проблемы кощунства, являющегося одним из признаков современности. Это возвращение в Средневековье, или влияние других цивилизаций и диалога культур, или что-то другое? Этот вопрос всегда стоял очень остро. Мы ощущаем, что острые вопросы (что плохо, оскорбляет другого в чужой культуре и т. д.) важны для диалога культур и мультикультурализма, который сегодня все бранят и говорят о том, что он «провалился». Да, разрушилась одна из схем, достаточно простых, но ее провал ведет к очень тяжелым последствиям. И то, что мы имеем сейчас на Ближнем Востоке, и гражданская война в Сирии — к этому привело заявление о том, что не должно быть многих культур и сосуществования культур. Идет гражданская война. Результатом этого является вымывание христианства с территории Ближнего Востока, физическое уничтожение, что приведет к непоправимым последствиям для всей цивилизации, потому что там корни цивилизации, которая является одной из базовых на Земле.

Мы все время говорим «диалог культур», но нужно помнить, что здесь есть противоречие. Диалог культур — это диалог двоих. И, может быть, к этому значению нужно вернуться. Диалог культур очень сложен, нужно понимать все ограничения, которые существуют в диалоге. Был период долгой эйфории, когда все получалось, все культуры были готовы жить вместе и даже забыли о том, что религиозный диалог практически

невозможен, потому что есть догматы, от которых нельзя отказаться. Единственный уровень, на котором можно говорить об этом, — там, где изложены позиции христианства, то, как христианство видит иудаизм, ислам и точки пересечения. Религиозный диалог очень показателен. Знаменитая совместная молитва в Ассизи сначала была молитвой вместе, а потом — молитвой рядом, когда вместе молятся представители разных религий.

Нужно искать в сфере культуры явления, где «точки пересечения» будут работать, потому что важно, чтобы не просто что-то декларировалось. Необходимо вернуться к слову «мультикультурализм» в форме диалога культур, понять, что он может быть одновременно и орудием ассимиляции, единства, и орудием расхождения, раздробления. Классическим примером являются еврейские гетто в средневековой и постсредневековой Европе, которые создавались как средство защиты самобытности, а превратились в средство угнетения (если немного примитивизировать историю). Точно так же многое происходит сейчас. И в данном случае интеллигентный диалог, который не боится никаких противоречий, может и должен быть очень важным. Он связан с практическими вещами, в частности с образованием, потому что именно образование и рассказ о различиях, которые существуют, крайне важны и могут работать.

Я хочу поговорить об острой теме, касающейся музеев, поскольку музеи (большие энциклопедические музеи) — то место, где диалог культур происходит практически, где, рассказывая друг о друге, люди учатся, узнают собственную культуру и чужую. Существуют опасные тенденции — все чаще к музеям, как и вообще к культуре, относятся как к услуге: считается, что они должны развлекать людей, привлекать средства, туристов. И вокруг этого ведутся споры. Хотя на самом деле музеи — то место, где разные культуры не просто взаимодействуют, а зеркально отражаются.

В настоящее время ведутся разговоры о том, что обострение ситуации в мире связано с кошмарным отношением ислама к другим религиям. Христиане постоянно задаются вопросом: «Почему они заботятся о чистоте религии, а мы нет?» Но фанатичное отношение к джихаду, которое свойственно части мусульман, на самом деле рождено не исламом, а христианской традицией превозносить историю Крестовых походов. Великое доброе дело в очередной раз зеркально отобразилось в разных культурах. И все то, что европейцы говорят о мусульманах, мусульмане говорят о западной культуре (угнетение женщин, материализм, язычество и т. д.). Это разнообразие позиций, я думаю, нужно сопоставлять именно на уровне интеллигентного разговора и найти точки соприкосновения.

Одна из точек соприкосновения — забота о культурном наследии. Это очень непросто, потому что культурное наследие разное. Оно уничтожается по идеологическим причинам: христиане уничтожали античные памятники, протестанты — католические, французская, русская революции — церковные памятники, талибы — статуи Будды в Бамиане. Уничтожение мусульманских мавзолеев, не соответствующих исламу,

уничтожение памятников Ленину в постсоветской России — все эти противоречия возникают в связи с одной важной проблемой — сохранения культурного наследия. Здесь в принципе можно найти не только точки схождения, соприкосновения, практической работы, потому что культурное наследие должно быть сохранено разными способами, в частности путем превращения идеологических предметов в музейные.

Тема судьбы христианства на Ближнем Востоке может быть близка всем и понятна, потому что это часть цивилизации. Недавно на одном из заседаний были представлены данные об исходе, рождении, уничтожении. Действительно большой район мира теряет важный элемент, который, пусть не всегда ярко, но всегда присутствовал и без которого все изменится.

Существует много разных провокационных тем, которые можно обсуждать интеллигентно, в сфере культуры. Известный американский фильм «Операция «Арго»», который получил премию «Оскар», на мой взгляд, плохой, но есть хорошая книга, положенная в основу сценария. В ней рассказывается об истории захвата американского посольства в Тегеране и спасении американцев дипломатов. Книга написана хорошо, в ней нет предвзятости и оскорбительности. Эта тема для нас, между прочим, очень близкая и окончательно в нашей культуре не продумана. Захват российского посольства в Тегеране и гибель Грибоедова — сюжет, который дает право поговорить о различиях, схождениях и возможности культурных исправлений. Суть в том, что острые вопросы надо поднимать, найти сферы (и они есть), где они не означают вражду.

Академические дискуссии имеют острый практический «выход», это заставляет иногда быть осторожными, но, наверное, есть сферы, в которых быть осторожным необязательно. Думаю, что на Лихачевских чтениях будет высказано много замечательных мыслей. Итоги Чтений мы подведем тогда, когда все будет сказано, но интеллектуальные результаты обязательно будут, потому что интеллигенция — это соль земли.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Михаил Борисович. Слово предоставляется академику Вячеславу Семеновичу Степину.

В. С. СТЕПИН¹: — Тема нашей дискуссии — ценности и смыслы. Почему столь важно говорить сей-

¹ Руководитель Секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академик РАН, заведующий кафедрой философской антропологии и проблем комплексного изучения человека МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор. Автор около 500 научных работ, в т. ч. 24 монографий: «Философская антропология и философия науки», «Философия науки и техники», «Эпоха перемен и сценарии будущего», «Теоретическое знание», «Философия и универсалии культуры», «Новая философская энциклопедия» (в 4 т.), «Философия науки: общие проблемы», «Человеческое познание и культура» и др. Президент Российского философского общества. Иностраный член национальных академий наук Белоруссии, Украины, действительный член Международного института (академии) философии (Париж, 2001), почетный доктор Университета г. Карлсруэ (ФРГ), почетный профессор Академии общественных наук КНР (Пекин). Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники. Награжден орденами Дружбы народов, «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Почетный доктор СПбГУП.

час, в современном диалоге культур, о ценностях? В-первых, возникает вопрос, как соотносятся ценности, цели и смыслы? Это проблема и философская, и логическая, тут много оттенков. Но я хочу зафиксировать следующее. Когда речь идет о человеческой деятельности, то здесь цель обязательна, она говорит нам о том, что мы должны получить в качестве результата деятельности. Цель — это идеальный образ результата деятельности, который возникает до того, как получен результат, и есть в сознании действующего субъекта. Она, как программа, будет регулировать сами действия. Но сама цель тоже имеет основания, и эти основания обуславливают ценности. Если цель отвечает на вопрос: «Что ты должен получить в результате своей деятельности?», то ценности отвечают на вопрос: «Для чего? Какое для этого есть основание?» Цели — это глубинные основания человеческой жизнедеятельности и их глубинный смысл.

Ценности иерархичны. В глубинах культуры есть некие базовые ценности и базовые жизненные смыслы, которые создают картину человеческого жизненного мира, и в каждой культуре она своя. Между картинами мира в традиционалистской культуре и в культуре техногенной, которая характеризует современное общество, есть различия. Часто техногенные культуры называют западными по региону возникновения, но сейчас этот тип цивилизации распространился по всему миру. Прошли эпохи модернизаций, возникли новые цивилизации, сохранившие внутри многие традиционалистские ценности, но переработавшие их через науку, образование, новые технологии, вставшие на путь техногенного развития. И поэтому их нужно зафиксировать.

Почему сейчас возник вопрос о базовых ценностях? Дело в том, что еще в середине XX столетия все думали, что именно путь цивилизационного развития приведет человечество к благосостоянию, что на этом пути человечество будет развиваться успешно, и вдруг стали обостряться кризисы — экологический, антропологический. Сейчас чем больше развивается человечество, тем больше возникает техники и технологий, рисков. В настоящее время говорят уже об общественности как об обществе рисков. Вопрос заключается в том, как человечеству избежать глобальных кризисов, микшировать их, можно ли найти такой путь, где мы уйдем от них? Они грозят не просто катастрофами локального характера, а гибелью всей цивилизации. И эта проблема обостряет проблему ценностей. Что лежит в основе этого движения? Какие жизненные смыслы и ценности? Какова картина мира? Каково понимание человека, природы, власти, личности? Что можно и что не нужно переделывать? Что перейдет в будущее как преемственность? Это проблемы гуманитарных наук, и их придется решать.

Сложность современного диалога культур состоит в том, что общечеловеческие жизненные смыслы, которые есть в каждой культурной традиции, жестко связаны с неким особенным, которое характеризует отличие этой традиции от других. И когда речь идет, допустим, о мировых религиях, то там эта «связка» настолько жесткая, что мы не можем выделить определенные

ценности и сказать: «Вы признаете заповеди: не убий, не укради, почитай отца своего, — и мы признаем». Это та база, которая позволит нам договориться. Нет, сразу возникают интерпретации этих смыслов, и начинается различение.

Выяснилось, что на этой основе — только на фиксации этого общечеловеческого, особенно у каждой культуры, — оказалось трудно построить общество мультикультурализма. Об этом писал и Гумилев: если с детства (примерно до 10 лет) человек социализировался в определенной культуре, то, перейдя в другую культурную традицию, получив школьное образование, его там не примут как своего, потому что он впитал некие социально-генетические установки, принципы, ориентации, привычки, которые будут его выделять из этой культурной среды, как бы он ни хотел в нее влиться и адаптироваться к ней. Здесь заложена основная сложность.

Сейчас мы должны найти некие новые ценности, смыслжизненные ориентиры. Многие протесты и современные столкновения культур связаны именно с тем, что не всегда и не все культуры принимают тот вариант западной культуры, который возник во всех современных потребительских обществах Запада, обществах высокого потребления. И, может быть, это хорошо, потому что общество высокого потребления, как писал Эрвин Ласло, за последние 50 лет потребило энергетических ресурсов больше, чем за всю предыдущую историю. Поэтому наращивать уже невозможно, планета не выдержит. Если это так, то встает вопрос о поиске новых ценностей. Этот поиск должен происходить во всех культурах, надо найти точки роста этих ценностей. И в этом заключается наша задача, задача гуманитариев. Поэтому абстрактные исследования философов, историков, литературоведов, культурологов по культуре вдруг становятся актуально практическими, самыми важными. Или мы это сделаем, и тогда у нас есть шанс, или мы этого не сделаем, и тогда могут быть катастрофы, кризисы и усугубление кризисов цивилизаций.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Я благодарю Вячеслава Семеновича за потрясающее по содержанию выступление.

Слово предоставляется академику Валерию Александровичу Тишкову.

В. А. ТИШКОВ: — Спасибо, Александр Сергеевич, за приглашение на это грандиозное мероприятие, которое благодаря Вашим усилиям и Ваших соратников живет и пользуется уважением и авторитетом.

В силу разных обстоятельств (климат, история, хозяйственные практики и т. д.) человечество самовоспроизвело культурное разнообразие: языковое, религиозное, этническое и др. И это культурное разнообразие, как и остальная живая природа, будет сохраняться. Если мы все станем одинаковыми, похожими, то это будет своего рода социальная энтропия, социальная смерть человечества. Поэтому в принципе в культуре ничего не исчезает, и даже в этнографии, которая заботится о сохранении традиций, обычаев так называемой

традиционной культуры, имеется понимание того, что традиция — это вчерашняя инновация, а сегодняшняя инновация — это завтрашняя традиция. Многие десятилетия исследовательский, академический интерес был озабочен в значительной мере установлением культурных различий, изучением дискретных единиц, будь это народный этнос или же какие-то другие сообщества, региональные, религиозные и т. д.

Тем не менее в последнее время появилось иное осмысление: одержимость установлением различий и игнорированием схожести, общности сменилась пониманием культурной сложности. Современный человек и человеческое сообщество вообще являются монокультурными, причем это не жесткие и одинаковые по своим характеристикам культурные типы, а сложный меняющийся динамический феномен, постоянный культурный дрейф. И сегодня даже в сфере самосознания, в которой, казалось бы, все очень трудно меняется, как уже говорил академик Степин, на самом деле происходят изменения. Существует представление о том, что сегодня большинству современных людей трудно определить, к какой культурной традиции, особенно если говорить об этнотрадиции, принадлежит тот или иной человек, включая и граждан нашей страны. С этой точки зрения нужно изучать культурную сложность современных наций, которые объединены под одной суверенной властью, согражданством в государствах, в том числе применительно к нашей стране. До сих пор мы не можем понять, кто мы: россияне, или это выдуманно Ельциным, или это эвфемизм, или это марсиане, или это традиция, которая идет от Петра I? Феофан Прокопович говорил: «Кого хороним? Россияне, Петра Великого погребаем». Кстати, у Дмитрия Сергеевича Лихачева одна из его книг называется «Национальное самосознание Древней Руси», это понятие идентичности, коллективное самосознание, которое всегда, с рождения нашего государства, имело сложный характер, не было монокультурным. На это мне хотелось бы обратить ваше внимание.

И последняя проблема — триединство современной культуры. Существуют три условных мощных культурных потока, которые сегодня имеются в арсенале как отдельного человека, так и различных сообществ: региональный, этнический, гражданский. Это нижний слой, условно говоря, партикулярной или этнокультуры, иногда его называют традиционной культурой, то, что воспроизводится на уровне малых сообществ, за счет передачи информации от поколения к поколению, а не за счет профессионального производства, то, что мы иногда называем народной культурой, в частности в духовной культуре — это фольклор, в материальной — пища, одежда, жилище, хозяйственные практики и т. д.

Очень мощный слой, на мой взгляд, самый мощный, определяющий национальные культуры, — на уровне государства, пользующийся его поддержкой, потому что без государственной поддержки невозможно профессиональная культура, подготовка специалистов в области культуры (театр, кинематография). Поэтому национальная культура — это, наверное, самый мощный срез сегодняшнего культурного пространства,

который в то же время имеет мощное международное влияние.

Существует третий слой — так называемая глобальная или мировая масскультура, который имеет суверенные истоки и формы, но в то же время через него осуществляется мощное влияние национальных культур. Скажем, голливудский кинематограф — это одновременно и мировая культура, значит, одна из форм мировой, глобальной культуры, но в то же время это в какой-то мере воздействие, влияние одной из национальных культур, в данном случае американской. Тем не менее глобальная культура, притом что мы ее часто третируем или подвергаем сомнению, говоря, что она разрушает нашу жизнь и наши культуры, — важная часть, ее нужно признавать, уважать и видеть в ней не только негатив, риски, но и огромную пользу, иначе мы оторвемся от реальной жизни и не поймем очень многого, особенно того, чем живут новые поколения наших людей.

Интересен диалог этих трех слоев культуры: сегодня глобальные и национальные культуры трудно представить без этнокультур. Сегодня на «Евровидении» или в кинематографе невозможно достичь высот, если не используются традиции, скажем, Кустурица — это балканская или цыганская традиция. На «Евровидении» белорусские или украинские исполнители или наши «Бурановские бабушки» используют этно на уровне не только национальной, но уже фактически глобальной культуры. Причем конкурс «Евровидение» — одна из форм массовой глобальной культуры. Это сложное взаимодействие при единстве, даже трудно сказать, что важнее. Это интереснейший феномен, о котором нужно думать, размышлять и спорить. Я желаю Международным Лихачевским чтениям успехов и очень рад принимать в них участие.

М. Б. ПИОТРОВСКИЙ: — Позвольте предоставить слово ректору СПбГУП, члену-корреспонденту РАН, академику РАО, профессору Александру Сергеевичу Запесоцкому.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, я выступлю в двух качествах — и как ученый, и как председатель Оргкомитета Чтений. Вынося проблему диалога культур в измерение ценностей, смыслов, коммуникаций, я, как и мои товарищи, был убежден, что мы затронули болевую точку современного и мирового, и российского развития.

Наверное, никогда при подготовке Чтений мы не испытывали таких трудностей, как в этом году. Возможно, в науке нарастают общие тенденции, о которых следует задуматься. Огромное количество людей желают говорить о предмете своих узких исследований. Мы становимся все более похожи на героя изречения Козьмы Прутков: «Специалист подобен флюсу». Оргкомитет Чтений получил более пятисот заявок на участие в конференции, не считая школьных работ (завтра начнется работу Лихачевский форум старшеклассников России), более трехсот из них мы были вынуждены отклонить как не соответствующие тематике или просить авторов переработать их. Чтения — это научный форум,

и я благодарен всем, кто представил свои доклады, переработал их, и тем, чьи доклады не были приняты, но они присутствуют здесь. Всего было принято около 200 докладов, но в Чтениях участвует значительно большее количество людей.

Мы, ученые, должны задуматься над тем, какова мера нашей ответственности за происходящее в этой жизни. Еще 30–40 лет назад голос ученых был слышен во всем мире. Например, в Соединенных Штатах Америки, когда шла война во Вьетнаме. Когда Зеленоград, научный город под Москвой, вышел на демонстрацию против коммунистического правительства, в стране сменилась социально-экономическая формация. Сегодня ученые еще позволяют себе думать, что в мире будет происходить что-то, за что мы не отвечаем, а отвечают власти. А в это время идет уничтожение всего того, что нам дорого. Для Оргкомитета чрезвычайно важно, чтобы Чтения отвечали на важнейшие вопросы, которые ставит жизнь. В работе сегодняшних Чтений принимают участие представители 32 стран, плеяда выдающихся ученых Российской академии наук, различных вузов нашей страны. Мы вместе должны говорить об острейших проблемах, которые становятся опасными.

В связи с темой Чтений мне представляется важным озвучить несколько тезисов. Вне культуры не существует юриспруденции, экономики, искусствоведения, ни одной научной, технической дисциплины, социального знания. Все это и есть культура. И сегодня пора специалистам из разных отраслей знания посмотреть на свою деятельность в ее взаимосвязи с общим контекстом развития культуры.

Я убежден, что культура США, Евросоюза и в особенности России переживает сегодня трагедию катастрофического надлома, конкретные черты которого видны уже без всяких исследований, невооруженным глазом. Новые поколения, вступившие в пору детства и юности, радикально отличаются от своих отцов и дедов. Фундаментальные различия проистекают из систем ценностей, санкционирующих цели деятельности, как уже говорил Вячеслав Семенович Степин, они коренятся в смыслах базисных мировоззренческих универсалий, понимании добра и зла, видении картины мира. Мы картину мира видим иначе, чем новые поколения, вернее, они ее видят по-другому по сравнению с нами. И если учитывать распространенное сегодня клиповое мышление, я не думаю, что их видение более полное.

Общественная практика новой эпохи, новая культура формирует нового человека. По сравнению с тем, что было, новую культуру можно охарактеризовать как культуру деградации и упадка. Решающим фактором трансформации культуры стали информационные потоки, вернее, специфическое управление ими. Эти потоки разрушили процесс культурной преемственности поколений и сейчас представляют собой самобытную культурную систему. То, что происходит, трудно считать магистральным путем развития мировой цивилизации.

Научная мысль XX века поставила на фундамент относительности ценности научно-технического прогресса. Например, мысль о победе человека над при-

родой. Это относительная ценность, потому что стала очевидна опасность истощения природных ресурсов, загрязнения природной среды, уничтожения природы. В наше время уже несомненны и пагубные тенденции очередного витка прогресса, связанные с развитием информационно-коммуникационных технологий, формированием информационного общества. Казалось бы, рыночная экономика в сочетании с политической демократией, свободой слова, доступом к информации открывает широкие, потрясающие воображение возможности для развития человека и культуры, обнаруживается новый взлет гуманизма и духовности. Мы в детстве и мечтать не могли о таких информационных возможностях. Но на практике происходит не взлет, а совершенно противоположное.

В глобальной политике уничтожается с огромным трудом созданная система международного права. Возвращаются дикость и опора на культ силы, неоварварство творится якобы в защиту истинных ценностей, выстроенных человечеством в ходе тысячелетнего развития. Извне провоцируются этноконфессиональные противоречия, например геноцид в Югославии. Затем следует прямое военное вмешательство НАТО с бомбардировками мирного населения и распад этой страны. Вслед за этим происходит вопиющее попрание международного права: оккупация Ирака сопровождается уничтожением сокровищ мировой цивилизации. Уничтожены культурные сокровища, сопоставимые по своему значению с Эрмитажем и Лувром. Думаю, Михаил Борисович Пиотровский меня поддержит в такой оценке. Страна погружается в межконфессиональную войну, каждый день приносящую гибель десяткам и сотням мирных граждан. Внешним вмешательством уничтожаются Ливия и Сирия, во имя «прав человека» там приносятся в жертву десятки тысяч жизней. На наших глазах происходит захват глав независимых государств, передача их в руки враждебным племенам для зверских расправ, похищение граждан других стран по всему миру, пытки в Гуантанамо, присвоение чужих средств на счетах своих банков. Эти и подобные действия совершаются под контролем законных правительств и парламентов, органов юстиции Запада, но главное, давайте об этом задумаемся, с одобрения большинства граждан этих стран.

Еще 40–50 лет назад подобное было невозможно. На Западе, в 1960-е годы, когда он начал эволюционировать в сторону общества потребления, произошла молодежная революция. Зверства войны во Вьетнаме отправили в политическое небытие целый слой элиты США. Теперь же оправдание, одобрение преступлений против человечества стало нормой жизни для миллионов граждан передовых стран Запада. Как такое оказалось возможным сегодня? — Вопрос, который стоило бы осмыслить участникам Чтений. Этот вопрос соотносится с радикальными переменами в сфере глобального общественного производства, фундаментальными сдвигами в развитии глобальной и национальной культур.

Сегодня общественное мнение формируется не университетскими профессорами, учеными, писателями и мыслителями, а владельцами информационных

корпораций, по сути, «денежными мешками», связанными с бюрократами. Сотни миллионов людей по всему миру превращаются в марионеток в руках кукловодов. И хорошо бы, как это было в коммунистические времена, когда нами тоже нередко манипулировали, но делали это, воспитывая человека, возвращая в нем разумное, доброе, вечное. Сейчас человека повергают в дикость.

Не меньший материал для размышлений в связи с этим дает развитие событий внутри нашей страны. Неоварварство торжествует у нас почти во всем — идет ли речь о выборе места для строительства новой сцены Мариинского театра или о введении ЕГЭ в школах, исключении из школьных программ великой русской литературы или о торговле поддельными лекарствами в аптеках. При ремонте Большого театра происходит замена бронзовых элементов декора на пластмассовые. Вузы провозглашаются коммерческими организациями, существующими для извлечения прибыли. Асфальт при прокладке дорог в России заменяется на его имитацию. Вовлечение детей в занятия физкультурой заменяется развитием фанатских движений. Официально провозглашается переход от воспитания человека-творца к формированию квалифицированного потребителя. Совесть заменяется страхом. Пусть это даже страх наказания по закону, но это не радует. Во всех проявлениях деловой и общественной жизни происходит деградация.

Стремясь к достижению западных образцов, Россия сегодня оказалась в авангарде неоварварства, разрушив свою систему культурной преемственности. Молодой курсант Института внутренних войск убил своих соседей — мать и 12-летнего ребенка, потому что они залили водой его квартиру. Подростки подожарили прохожего на Вечном огне, потому что он сделал им замечание. Такие сообщения — не нечто из ряда вон выходящее, это характеристика едва ли не типичного уровня воспитания нашего молодого поколения. Рядом с великой российской культурой, отмирающей по мере ухода с исторической арены советских поколений, создана совершенно иная, не имеющая ничего общего со старой культура. Недавно объектом глумления государственного телевидения России стала одна из победительниц конкурса красоты, которая не знала, что Земля вращается вокруг Солнца. Это типичный результат того, что происходит в сфере российской культуры и образования. По социологическим опросам, 30 % наших граждан не знают, что и вокруг чего вращается в Солнечной системе. Существенная часть населения не знает также, почему нельзя сбивать детей на пешеходных переходах, садиться пьяными за руль и штурвал самолета и т. д. А шедеврами человеческого духа теперь являются изображение мужского полового органа на мосту через Неву, созданное группой «Война» и выдвинутое на соискание государственной премии; телесериал «Школа», получивший высшую премию Академии российского телевидения «ТЭФИ-2010»; панк-молебен группы «Pussy Riot», выдвинутый на всевозможные премии доморощенными демократами. По сравнению с «Pussy Riot» теперь ничего не значат Пушкин, Шолохов, Чайковский, Менделеев и Алферов. На-

шему поколению достаточно сравнить сериал «Школа» с фильмом «Доживем до понедельника», чтобы понять огромную пропасть, созданную за последние 20–25 лет между старой и новой российской культурой. Происходит тотальная смена ценностей, осуществляется воспроизводство нового типа человека, значительно более низкого уровня, чем человек советского времени.

Я с уважением отношусь к Председателю Правительства РФ Д. А. Медведеву, считаю его блестящим выпускником некогда блестящего вуза, но некоторые из его высказываний заставляют меня задуматься. Высказывания Дмитрия Анатольевича — квинтэссенция настроений нашей «элиты». Например: «Министр не рубль, чтобы всем нравиться». Спросим: а что, рубль — это действительно важнейшая ценность нашей жизни? У нас нет других ценностей, таких как, например, Родина, родители, общественный долг и т. д.? Лично мне не нравятся ни рубль, ни доллар, ни фунт. Я люблю свою страну, свой город, людей. Почему нам навязываются такой подход к жизни и такое видение мира? Почему, говоря о министре образования, председатель правительства заявляет, что это «расстрельная должность»? Когда в России эта должность была расстрельной? Я плохо себе представляю, чтобы В. И. Ленин сказал: «Я представляю вам нового главу Наркомпроса Луначарского, он будет отвечать за образование, это расстрельная должность». У нас есть министры, для которых любые должности не являются расстрельными, например С. В. Лавров и С. К. Шойгу. В каком бы министерстве они ни работали. Шойгу ведь не говорит нам, что спасение людей или защита Родины — это платная услуга. И такого министра мы любим значительно больше, чем рубль, потому что он воплощает в работе традиционные ценности нашего государства.

Что происходит с ценностями и смыслами в современных обществах западного типа, развивающихся на духовно-нравственной платформе христианства? Мы видим, что сбылось мрачное пророчество Хантингтона о войне цивилизаций. Страны Азии уже воздвигают барьеры на пути влияния Запада, которое считают тлетворным. С крайней осторожностью эти страны относятся к западному укладу жизни. С горечью приходится констатировать, что в Китае, например, созданы целые научно-исследовательские институты, задача которых — изучение ошибок Советского Союза и современной России с целью их неповторения в своем развитии. Таково отношение к западному пути, западным ценностям в странах, исповедующих буддистскую и конфуцианскую философию.

Что происходит между арабским, мусульманским миром и западной версией христианской цивилизации, мы также видим. Запад во всем мире становится синонимом спекуляции на традиционных ценностях, символом лжи и обмана. Показательно, что даже Латинская Америка, страны христианского мира не хотят двигаться в фарватере современного Запада. Мы — люди безусловно европейской культуры. И Россия, подчеркну, сегодня значительно опережает Запад, двигаясь по пути разрушительных тенденций, как теперь говорят, разрушительных трендов. Надо не только остановиться, но и задуматься, посмотреть, куда двигаться

дальше. Мы не перестанем быть европейцами, соседями арабских стран, стран буддийской и конфуцианской культуры, но нам надо серьезно осмыслить происшедшее и выработать свои рекомендации, суждения, которые могли бы стать основополагающей платформой для дальнейшего развития Российского государства. К этому нас призывает и наш президент Владимир Путин, который всемерно, на протяжении многих лет, начиная с 2001 года, поддерживает Международные Лихачевские научные чтения.

М. Б. ПИОТРОВСКИЙ: — Большое спасибо, Александр Сергеевич. Предоставляю слово профессору Гадису Абдуллаевичу Гаджиеву.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — В начале нашей сегодняшней встречи Михаил Борисович сказал теплые слова об интеллигенции, о том, что интеллигенции свойственно заблуждаться. Я полностью с этим согласен и полагаю, что энергия заблуждений, которая свойственна интеллигенции, — все-таки большая созидательная сила. В моем сегодняшнем выступлении будет присутствовать маленькая толика этой энергии заблуждений, я получил ее от Михаила Борисовича как эстафетную палочку.

Несколько слов о том, что, с моей точки зрения, представляет собой феномен государственности и патриотизма в аспекте культуры. Я полагаю, что оценка государственности — это попытка взглянуть на традиционные экономические ценности не с правовых, гражданских позиций, а с позиции философской, возможно, культурологической. Мне вспоминается один памятный случай, который произошел в нашей истории, и я предлагаю его оценить с философской точки зрения. Это событие конца XVIII века, когда Екатерина II послала генерала Ермолова с посольством в Иран. Ермолову было поставлено условие: он должен был оказывать всяческие почести иранскому правителю, вплоть до того, что поцеловать руку. Ермолов появился демонстративно в запыленных сапогах и сказал, что является прямым наследником великого Чингисхана и никогда в жизни не позволит себе оказать иранскому шаху подобные почести. Эта претензия была принята, и он не целовал никому рук, в то время как дипломатические представители Франции, Испании выполнили это. Мне кажется интересным выяснить, почему у этого русского дипломата, военачальника было такое честолюбие. Оказывается, неслучайно. Род Ермоловых ведет свое начало со времен Золотой Орды, примерно с 506 года. Один золотоордынский хан поведал Ермолову семейное предание, что они не простые люди, русские дворяне, а ведут свои истоки от Чингисхана. Наверное, осознание этого, присутствующее у Ермолова, определило масштаб его честолюбия, предопределивший и масштаб его патриотизма.

На мой взгляд, о патриотизме можно рассуждать с точки зрения масштаба или оценки человеческой культуры. Мы все патриоты, но кто-то из нас любит свой родной аул, свою родную деревню, а кто-то может подняться до чего-то большего. Патриотизм помогает оценить то, какие мы. Вспоминаются точные сло-

ва Расула Гамзатова, которому в этом году исполняется 90 лет: «Да, конечно, мы великие. Но когда мы взрослыми станем?»

Патриотизм — это взрослость, когда человек оценивает свое место и роль с высоких позиций. Патриотизм в нашей стране очень разнообразен. Это и патриотизм Лермонтова, и некрасовский патриотизм: «Он проповедует любовь враждебным словом отрицанья», и патриотизм Пушкина: «Клеветникам России». Это очень близко западным моделям патриотизма. Что бы ни делала Родина, плохая она или хорошая, она — Родина. Это разные представления о патриотизме, и можно спорить о том, какие из них являются правильными. Но одно для меня несомненно: патриотизм — это огромная созидательная сила, и надо умело ею пользоваться. Патриотизм — важная составляющая часть национальной культуры. И, может быть, прав Владимир Познер, сказавший, что россияне не должны забывать, что являются наследниками великой византийской культуры. Мы являемся и наследниками Золотой Орды, и это тоже не выбросишь из истории, хотя такие попытки предпринимались в XVIII–XIX веках.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется академику Михаилу Леонтьевичу Титаренко.

М. Л. ТИТАРЕНКО: — Большое спасибо за честь выступить перед высоким собранием. Дорогие друзья, мне очень понравились тезисы, которые я услышал. Хотел бы продолжить мысль, которая только что прозвучала. Россия — наследница своих традиционных корней: великой славянской культуры, великой византийской культуры, которая формировала духовные ценности нашей культуры, культуры и политической системы Золотой Орды. Российская культура имеет синтетический характер, и мы должны понимать, что Россия — это братский союз, сосуществование, органический симбиоз 125 культур больших и малых народов, живущих на самом большом пространстве нашей планеты, которое сейчас называется Российской Федерацией. Я еще раз хочу подчеркнуть — 125 культур, 125 крупных и малых этносов. Стержнем, базой является русская культура. И мы должны понимать, что российская культура — это не только Европа, Византия.

Мы должны осознать место российской культуры и России в мире. Это великая европейская, самая большая европейская держава. Почему Европа с таким трудом и настороженностью относится к России? Потому что Россия по своей территории в несколько раз превосходит Западную Европу. Русский этнос в несколько раз больше самого большого этноса Европы, и эти математические соотношения мы должны учитывать. В то же время Россия — великая азиатская держава. Распад Советского Союза сдвинул Россию на север и восток. Наш единственный прямой выход в Мировой океан — это Дальний Восток и Северный Ледовитый океан. Поэтому я полагаю, что у России в этом смысле особая миссия.

Александр Сергеевич совершенно справедливо сказал о том, что, к сожалению, пророчество Хантингтона

насчет столкновения цивилизаций усилиями Запада стало реальностью. Но есть альтернатива: два великих народа, две великие державы извлекли горькие, кровавые уроки из 20-летнего враждебного состояния и поняли, что только дружба, стратегическое сотрудничество, доверительное партнерство являются спасением. Как записано в последней декларации, подписанной Владимиром Владимировичем Путиным и Председателем Китайской Народной Республики Си Цзиньпином, всеобъемлющее стратегическое взаимодействие и доверительное партнерство являются гарантией суверенитета, территориальной целостности и успешного развития наших стран. Это великий тезис для нашей конференции, посвященной диалогу культур. Россия и Китай в этом смысле дают пример сосуществования двух великих наций, двух великих локальных цивилизаций.

Главный тезис китайской цивилизации 2,5 тыс. лет назад выразил основатель и один из величайших деятелей китайской и мировой культуры Конфуций. Ученик спросил учителя: «Учитель, можно ли выразить сущность вашего учения в одном слове?» «Можно, — сказал Конфуций, — и это слово — “взаимность”».

Еще один тезис, который получил развитие во всех великих религиях и культурах, — не делай другим того, чего не желаешь себе. Этот тезис звучал у Будды, Иисуса Христа, Мухаммеда, и этот нравственный принцип был положен в основу Устава ООН.

Другой тезис, который также выражен в китайской культуре и стал сейчас актуален в ходе реализации диалога цивилизаций, — это уважение, пестование разнообразия, многообразия культур, потому что многообразие (взаимная учеба, взаимодействие культур) является фактором и взаимообогащения, и развития. Унификации, которые предлагают наши коллеги, на основе западной системы ценностей — это дорога в тупик, к конфликту цивилизаций. «Гармония различного» — тезис, который должен и может стать принципом диалога цивилизаций. Та работа, которую с таким усилием и энтузиазмом ведет Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, — это великий вклад в реализацию идеи гармонии, процветания разнообразия культур. Я желаю успеха этой конференции и нашей молодежи в изучении блестящего опыта вашего замечательного вуза.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Михаил Леонтьевич. Я приглашаю к микрофону Евгения Ивановича Макарова.

Е. И. МАКАРОВ: — Прежде всего мне хотелось бы от имени учредителя Университета поприветствовать всех, кто прибыл на этот большой научный форум. Когда в 2001 году готовился текст Указа Президента РФ «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева», мы с Александром Сергеевичем занимались этим непосредственно. Ни он, ни я не предполагали, что Лихачевские чтения станут научным форумом такого масштаба и, главное, что они выйдут за рамки анализа славянской культуры, приобретут международный размах и соберут столько серьезных ученых.

Следуя теме Лихачевских чтений, я хотел бы сделать небольшое сообщение с позиции профессиональных союзов, внести свой вклад в развитие темы ценностей, но взять ракурс, интересующий профессиональные союзы, — ценности социально-трудовых отношений. Переход к капитализму в России неизбежно привел к демонтажу прежней системы и постепенно — к изменению ценностно-смыслового наполнения социально-трудовых отношений. На этом фоне важно переосмыслить роль и место социально-трудовых отношений, полезно и необходимо сделать при этом ретроспективный анализ роли и места человека труда в истории нашей страны при решении масштабных экономических, социальных и политических трансформаций. К сожалению, тема социально-трудовых отношений в настоящее время вытеснена из публичного пространства, но тем не менее исторические примеры показывают, как можно достичь небывалых по своим масштабам целей, если правильно использовать социально-трудовой потенциал, или «провалить» глобальные задачи, если игнорировать интересы главной движущей созидательной силы социально-экономического развития — человека труда.

Первый пример. Лозунг «Догнать и перегнать» был выдвинут Н. С. Хрущевым в 1957 году и относился не только к рывку в сфере экономики, но и, что показательно, к ускоренному строительству коммунизма, то есть к резкому росту потребления, сравнимому по своему уровню с США. Так Хрущевым была поставлена задача. Но развитие показало, что можно за короткий промежуток времени добиться существенного прорыва в промышленности, науке, полететь в космос, создать новую атомную подводную лодку, однако если при этом игнорировать или недостаточно смело решать проблемы достойного вознаграждения за труд, не развивать отрасли, обеспечивающие потребление, то добиться поставленной цели невозможно. В 1962 году произошло повышение норм выработки на предприятиях без достойной компенсации, катастрофическое снижение покупательской способности и зарплаты работников, что привело к эскалации насилия в Новочеркасске, когда во время стихийного бунта были расстреляны 23 человека. Попытка догнать и перегнать «захлебнулась» именно из-за того, что наряду с авантюристическими планами в области сельского хозяйства «оголился» продовольственный рынок, потребление упало и мотивация большей части трудовых ресурсов в России, Советском Союзе тогда оказалась невосстановленной.

Второй пример. Восстановление народного хозяйства после войны и, в частности, промышленности к 1948 году стало возможно исключительно благодаря героическим усилиям всего трудоспособного населения Советского Союза. Сочетание социальной и экономической политики, учет важнейших интересов человека труда в эти годы, в том числе разумная денежная реформа, позволили решить задачу восстановления народного хозяйства за 8 лет.

Еще один пример. «Все для фронта, все для победы!» — лозунг, выдвинутый Сталиным в 1941 году, утверждал простую истину: победить врага исключительно

военными мерами не удастся, исход войны зависел в равной степени как от военного, так и от промышленного потенциала страны. И образование внутреннего трудового фронта нашло свое отражение в лозунгах: «В труде, как в бою!», «Все силы на помощь фронту!» При всех проблемах и издержках специфическая социально-трудовая политика военного времени позволила решить не только задачи обеспечения фронтовых нужд, но и перенести индустриальные мощности на восток, за пределы европейской части страны, повысив трудовой потенциал в регионах.

Следующий пример: индустриализация экономики в 1930-е годы, которая, как известно, была нацелена на развитие промышленности в СССР, являющемся в то время, по существу, аграрной страной. Но руководство понимало, что в руках человека труда (фабрично-заводского) находятся главные силы, которые способны направить СССР на путь ускоренного развития. Политические власти пропагандировали трудовые достижения, награждали рабочих и служащих званием «Герой Труда», активно пропагандировалось движение стахановцев. Одним из ключевых моментов стал трудовой энтузиазм, основанный на комплексе идей о светлом будущем.

Будет нелишним напомнить о некоторых событиях и приемах политической эксплуатации темы социально-трудовых отношений в период Февральской и Октябрьской революций 1917 года. Как известно, «детонатором» февральского переворота была всеобщая забастовка, начавшаяся 24 февраля, а Октябрьская революция продолжила цепь событий, в которых одну из важнейших ролей сыграл человек труда. Вождь мирового пролетариата Владимир Ильич Ленин четко артикулировал источник потрясений в стране своей фразой о свершившейся рабоче-крестьянской революции, о которой так долго говорили большевики. Он был в значительной мере прав, потому что большевики начали говорить об этом после революции 1905 года, с которой, собственно, и началось растянутое крушение Российской империи. События 1905 года являют собой серию фатальных ошибок самодержавия в отношении людей труда. Толчком к началу массовых выступлений в 1905 году послужил расстрел мирной демонстрации рабочих, Кровавое воскресенье (9 января). Цепь событий, которая вывела рабочих на улицы Петрограда, их лозунги, содержание рабочей петиции, которую демонстранты надеялись вручить царю, — все это указывает не на политические, а на социально-трудовые корни революции 1905 года. Удовлетворение требований рабочих тогда состоялось, но спустя 9 месяцев после расстрела. Своевременное удовлетворение требований рабочих могло бы открыть возможности для бескровного переустройства Российской империи в одну из ведущих держав мира.

Завершая свое выступление, отмечу, что возвращение социально-трудовой тематики в контекст современной культуры российского общества назрело, поскольку мы должны оценить, какие социально-трудовые, профессиональные ресурсы находятся в распоряжении нашего общества для проведения модернизации, заяв-

ленной как одна из стратегических целей сегодняшней политической власти. Этого требуют внутренние потребности общества и международная конъюнктура. Необходимо избавляться от дремучего невежества и высокомерия, которое зачастую присутствует и в государстве, и в бизнесе по отношению к людям труда и социально-трудовой проблематике в целом. Тема социально-трудовых отношений неизбежно будет востребована в России вне зависимости от времени и политической системы.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — На трибуну приглашается президент Европейской академии наук и искусств профессор Феликс Унгер. Напомню, что Европейская академия наук и искусств является официальным партнером Российской академии наук в Евросоюзе.

Ф. УНГЕР: — Дамы и господа, я очень рад находиться сегодня здесь, и в первую очередь я хотел бы поблагодарить академика А. С. Запесоцкого за организацию этой конференции и приглашение участвовать в ней.

Я не в первый раз получил возможность приехать в Петербург; честно говоря, чувствую себя здесь как дома. Тема этой конференции действительно очень актуальна, поскольку это проблема нашего совместного бытия, того, как мы организуем жизнь и сотрудничество в глобальной системе мира.

В прошлом году я имел честь встретиться с Президентом России Владимиром Путиным, и он сказал мне, что «Россия — часть Европы». Я полностью согласен с ним, поскольку по прошлому опыту мы знаем, что Европа — единое и неделимое целое; однако, к сожалению, этот опыт не уберег нас в прошлом столетии от разделения Европы на две большие части — Западную и Восточную.

Сейчас перед нами стоит следующая задача — новый этап сотрудничества между западной и восточной частями Европы. Когда я вчера гулял по Петербургу, то видел огромное количество молодежи, как и здесь сегодня, юные улыбающиеся лица, живописные виды, и все, к чему мы стремимся сегодня, — заинтересовать молодежь будущим и подготовить их к этому будущему.

Дамы и господа, когда мы обращаем внимание на особенности культур Запада и Востока, то становится ясно, что здесь, в России, эти культуры перемешаны — вы можете это легко увидеть при посещении Эрмитажа. Определение культуры становится очевидным — думаю, никому не будет трудно осознать, что же такое культура. Это совокупность всех наших поступков, общения и взаимодействия с другими людьми, это ответы на вопросы о смысле нашей жизни. Вносить свой вклад в культуру можно по-разному, например посредством искусства или науки. Позвольте мне сказать несколько слов о науках.

Думаю, что науки проистекают из нашей деятельности в трех сферах: природной, человеческих отношений и духовной. И нам необходимо найти оптимальный баланс между этими сферами, чтобы получить ответы на интересующие нас вопросы.

Но науки, как подсказывает нам опыт, всегда находятся в развитии, в этой сфере невозможно оставаться на одном месте. Науки постоянно совершенствуются. И самое интересное, что мы наблюдаем сейчас, — как зарождаются междисциплинарные науки.

Это значит, что все, кто серьезно занимается наукой, должны расширять поле своей деятельности. Одна из новейших областей — геновая инженерия, на результатах которой основаны работы моих коллег по трансплантологии, врачей-иммунологов, о том, что человек имеет врожденный иммунитет. Эта информация закодирована в эпигеноме человеческой клетки, она контролирует процессы замещения и изменения геномов. Читая работы по эпигенетике о врожденном иммунитете человека, неожиданно понимаешь, что эта сфера очень широка и охватывает огромный круг вопросов — не только иммунологии, но и философии.

В нашей академии работает профессор философии господин Слотердейк, который ввел термин «философский иммунитет». И уж конечно, дамы и господа, мы все обладаем также врожденным теологическим иммунитетом.

Вы спросите, как иммунология и теология могут найти общие точки? Ответ прост: таинство крещения. Когда священник спрашивает: «Отрекаешься ли от зла?» и вы отвечаете: «Отрекаюсь», здесь-то и проявляется ваш врожденный иммунитет ко злу. Но, дамы и господа, это не простой вопрос, и иногда мы, ученые, склонны рассматривать данную проблему со своей профессиональной точки зрения.

Я хирург и в профессиональном общении пользуюсь медицинской терминологией, так что мой лексикон должен содержать много междисциплинарных терминов. Кстати, об общении: когда ученые из разных стран съезжаются на форумы, между ними не возникает конфликтов, поскольку через пять минут после взаимного представления они спрашивают: «Вы женаты?», задают вопросы о детях, внуках, образовании, обсуждают свои личные интересы.

Если говорить о культуре в целом, то, помимо искусства, науки, торговли и коммерции, в ней важную роль играет религия, оказывающая большое влияние на культуру. И это может спровоцировать конфликт. Господин Пиотровский говорил о конфликтах между православными, католиками и протестантами, а в Европе сейчас поднимается новая волна конфликтов со сторонниками ислама. Межрелигиозный диалог неизбежен, если мы хотим понять, какое место каждый человек занимает в жизни.

В межконфессиональном диалоге каждый имеет собственную твердую позицию. В современной Европе мы утратили религию, а это очень опасно, когда вы теряете свои идеалы и перестаете верить в Бога. Потому что вместо этого вы начинаете создавать жестокие и очень вредные идеологические учения, унижающие человека.

Положение в этой области плачевное. Сегодня господствует идеология денег и материализма. Даже в области медицины: администрация больниц всегда говорит, как сделать их более прибыльными, как заработать на пациентах. Думая лишь о деньгах, мы разру-

шаем нашу душу и отношения между людьми. Приведу пример. Мой старший сын — архитектор. Когда он работал в Камеруне, то обратил внимание, что нефтяная компания «Шелл», разрабатывая там скважины, загрязнила все реки. Местные жители не могут заниматься своим традиционным видом деятельности — рыболовством, но им стали раз в год выплачивать некоторые суммы, чтобы они могли устроить празднества.

Вчера я посетил Русский музей, в частности посмотрел работы Малевича. В своих произведениях в стиле супрематизма он использовал простейшие фигуры: квадрат, круг, крест. Так и в нашем диалоге мы должны найти простые формулы для выражения наших мыслей и общения с соседями.

В 1948 году был принят важнейший документ — Всеобщая декларация прав человека. Это акт помогает нам найти общий язык друг с другом, но, честно говоря, права человека попираются постоянно, и не только в моей стране.

Надо быть очень осторожным в общении, чтобы не задеть болезненные точки, и всегда соблюдать права человека. Толерантность также очень важна, поскольку толерантность — это передача любви. У нас есть совокупность ценностей, безусловных для каждого человека. Многие сейчас говорят не о самих ценностях, но о собственном понимании их. Величайшая ценность — жизнь; служа ей, мы улучшаем природу и общество. Еще одна группа ценностей — моральные, такие как справедливость, любовь. В процессе образования необходимо научить людей, как находить баланс ценностей, преуспевая в профессиональной сфере, но в то же время не забывая, что мы люди и вся наша деятельность должна быть подчинена главной ценности — жизни.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Господин Унгер, будучи выдающимся хирургом, сплотил вокруг себя научное сообщество Евросоюза, выйдя за рамки национальных академий наук, за что огромное ему спасибо. Слово предоставляется профессору Чурову Владимиру Евгеньевичу.

В. Е. ЧУРОВ: — Большинство тезисов, которые я приготовил для сегодняшнего выступления, уже произнесены с этой трибуны моими титулованными коллегами. Я лишь обращаю ваше внимание на трагедию исчезающих городов и связь этого события с мировым бескультурьем. Крупные города на протяжении тысячелетий играли роль центров развития и сохранения культуры. Они же были и политическими центрами, поскольку политика — это лишь часть культуры, а не наоборот.

Сейчас мы наблюдаем печальный процесс дегградации крупных исторических городов практически по всему миру. Исчезает Петербург, практически исчезла знакомая с детства Москва, исчезли Париж, исторический Лондон, Касабланка, Киев, Ревель, Таллин. И это имеет, на мой взгляд, весьма печальные последствия для мировой культуры, потому что крупные города воспитывали целые поколения людей.

Наш родной Ленинград–Петербург в XX веке из-за трагических событий трижды полностью менял состав

своих жителей. Приезжавшие сюда новые люди очень быстро попадали под обаяние города и становились коренными ленинградцами, петербуржцами. Так происходило и в других исторических городах, например в Одессе. Сейчас, к сожалению, этот процесс прекратился. Уже нет того обаяния и влияния города на его жителя, которое я в детстве и юности мог наблюдать.

Недавно был оглашен список Магнитского. На мой взгляд, это безумное занятие, поскольку составление любых дисквалификационных списков — это дело негодяев типа Нерона, Гитлера или Ежова. Я предпочитаю, чтобы люди всего мира объединялись вокруг других ценностей, прежде всего в борьбе с тремя главными, на мой взгляд, вызовами XXI века.

Первый вызов — это международный терроризм, причем не как абстрактное понятие. Я хочу жить как раньше, до эпохи международного терроризма, ездить по всему миру, останавливаться в гостиницах и не чувствовать постоянную опасность (в Египте, Тунисе, Сирии и т. д.).

Второй вызов — это экономический кризис. Я хочу, выйдя на пенсию, иметь достаточно средств для того, чтобы покупать билеты в театр, книги и немного путешествовать. И об этом, я думаю, мечтают все культурные люди.

Третий мировой вызов — та волна бескультурья, которая сейчас приобрела размеры цунами и заливают все страны мира, за очень редким исключением. Борьба с волной бескультурья — это не абстрактное занятие, а сохранение традиционной культуры, традиционного языка, традиционной литературы, традиционного театра. Я вовсе не хочу говорить на «птичьем» новоязе, использовать Pidgin English. Я думаю, что многие люди, обладающие хотя бы зачатками традиционной культуры, со мною согласятся.

Цивилизация обязана справиться с этими тремя вызовами, но боюсь, что, к сожалению, я до этих светлых дней не доживу.

И в заключение я прошу у Александра Сергеевича разрешения почтить минутой молчания простых людей, ставших жертвами ужасных преступлений в Бостоне, Бейруте, Сирии, людей, которые не хотели погибать.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, предлагаю почтить память наших современников, ставших жертвой современной дикости и неоварварства.

Слово предоставляется Александре Гамильтон, герцогине Аберкорнской из Великобритании, являющейся одним из потомков Александра Сергеевича Пушкина.

А. ГАМИЛЬТОН: — Дамы и господа, уважаемые участники! Для меня большая честь быть приглашенной на мою историческую Родину и иметь возможность участвовать в этом крайне важном диалоге, который проводится в СПбГУП с целью увековечивания памяти академика Д. С. Лихачева, который на протяжении всей жизни был «душой» диалога России с другими культурами.

Мои предки родом из России: и царь Николай I, и Александр Пушкин. По отцовской линии мои предки

были выходцами из Перу, а я родилась в Аризоне, детство провела в Англии, а в 1966 году в возрасте 20 лет вышла замуж за Джеймса Гамильтона, герцога Аберкорнского, и переехала в Северную Ирландию. Я сама в некотором смысле воплощаю диалог культур.

Свой доклад я хочу представить в форме повествования о своей жизни. Я жила в Ирландии во времена суровых испытаний, в период упадка культуры. Фактически на протяжении сорока лет у нас отсутствовал диалог культур. Я хотела бы выступить и как мать — от лица моих детей, так как переживаю за их судьбы. Моей дочери Софии в детстве часто снилось, что на нас напали террористы, а я никак не могла убедить маленькую девочку, что этого не может произойти, ибо такова была окружающая реальность. Я задумалась: это происходит с каждым ребенком на ирландской земле, не только с моей дочерью; испытывая чувство страха, гнева, горечи, мы не даем им выхода, тем самым допускаем, чтобы в жизни наших детей стало больше оружия. Вред наносится уже в самом раннем возрасте, необходимо изменить эту ситуацию. Проблема заключалась в том, как это сделать и что мы можем для этого сделать.

В 1986 году в память о моем предке Александре Сергеевиче Пушкине прошло памятное мероприятие в доме моей бабушки, расположенном недалеко от Лондона. Собрались люди разного происхождения и различных взглядов. Великий художник помог подняться над нашими несущественными различиями и выработать универсальный язык радости и горя, которые всегда идут рука об руку. Эти празднования вдохновили меня: мне пришла в голову мысль о том, что, возможно, я могу взять «дух Пушкина» с собой в Северную Ирландию и помочь маленьким детям найти свой творческий голос. С именем Пушкина я посещала католические и протестантские школы, ученики которых обычно не встречаются друг с другом. Пушкин стал моим пропуском, дал мне возможность посетить любую школу на севере и юге Ирландии, хотя они находятся под разной юрисдикцией: севером управляет Лондон, а югом — Дублин. С именем Пушкина я объехала всю Ирландию и помогала детям и учителям обрести их творческий голос. Что они чувствовали? Может быть, ненависть, печаль, душевную боль, но, возможно, и чувство прекрасного, счастье. Они писали рассказы и стихи. Со временем программа стала более широкой, охватила все виды искусства. Но в основном мы работали в области окружающей среды, с миром природы, мы погружаем детей в природу, чтобы они имели возможность выразить свои чувства. Мы помогаем детям вернуться к чувствам, я считаю это очень важной частью воспитания. Разумеется, нам приходится иметь дело с фактами и цифрами, сдавать экзамены, мы должны мыслить рационально, но также мы должны проявлять эмоциональную отзывчивость, чувства.

На мой взгляд, сегодня необходим целостный подход к воспитанию детей. Молодые люди, которым предстоит жить в XXI веке, будут иметь свой голос. Я использовала образ не того великого Пушкина, которого мы все знаем как автора известных произведений, а девятилетнего мальчика, который слушал сказки

своей земли, рассказанные няней Ариной Родионовной. Наши дети воспитывались на сказках Ирландии, кельтских сказках.

Мы всегда ощущали тесную связь России и Ирландии. Россия — это страна-архетип, страна-символ. Если мы хотим двигаться вперед, выработать новую форму диалога, недостаточно просто проводить встречи, призванные решить множество насущных проблем, нужно более внимательно прислушиваться к своим сердцам.

В заключение представьте, что сидим с Пушкиным и его старой няней Ариной Родионовной у камина. Вглядываясь в дрожащие языки пламени, мы слышим голос Жар-птицы: «Соберитесь с духом. Я вернулась после долгого изгнания из того времени, когда человечеству довелось пройти через самый темный, бездонный сумрак, я облетела всю Землю, видела опустошение и разруху, чудеса мира природы и шедевры культуры. Я видела смерть. Помните — тьма и свет неразделимы. Я знаю, что вы способны творить добро и зло, но, хотя пережитую боль нелегко забыть, рядом с болью всегда найдется место состраданию. Красота, которую ищет мир, — в моем оперении. У меня найдется перо для каждого народа мира, который хочет стать частью Вселенной. Место обучения, где создается “ландшафт души” молодого человека, — это место, где оживают четыре первоэлемента: земля, воздух, огонь и вода. Возьмите это тепло и прислушайтесь к плачу ребенка, потому что ребенок — это начало возрождения, будущее жизни на Земле».

Я считаю, что пришло время прислушаться к голосу Жар-птицы, потому что он вторит плачу ребенка. Возможно, если мы обратим свое внимание на этот плач и откликнемся на него в душе, возникнет новая, творческая форма демократии, в которой одинаково важны разум и сердце, а неосознанный потенциал каждого человека преобразится, соединившись со светом и разумом осознания. Этот голос — голос души, общей человечности, говорящий на символическом языке нашего воображения, который, несомненно, станет необходимым, если состоится диалог между культурами, ведущий к преобразованиям.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Позвольте поблагодарить герцогиню Аберкорнскую за по-настоящему философское выступление.

В адрес Лихачевских чтений поступило большое количество различных телеграмм, поздравлений, пожеланий: от Председателя Государственной Думы Федерального Собрания РФ С. Е. Нарышкина, министра культуры РФ В. Р. Мединского, президента Российской академии наук Ю. С. Осипова, председателя Федерации независимых профсоюзов России и председателя Попечительского совета нашего Университета М. В. Шмакова, генерального директора ЮНЕСКО И. Боковой, помощника Президента Российской Федерации А. А. Фурсенко. Я зачитаю лишь приветствие Дмитрия Анатольевича Медведева: «Дорогие друзья! Приветствую Вас в Санкт-Петербурге на XIII Международных Лихачевских научных чтениях. Видным ученым, политикам, деятелям культуры из России и зарубежья предстоит обсудить актуальные гуманитар-

ные проблемы, касающиеся развития коммуникаций, социально-правовых отношений, экономики в контексте мирового культурного процесса. Важно, что в работе Чтений принимают участие молодые ученые, юные исследователи творческого наследия академика Дмитрия Сергеевича Лихачева. Уверен, что встреча на берегах Невы запомнится вам интересными и содержательными дискуссиями. А предложения и рекомендации, подготовленные в ходе форума, послужат реализации перспективных современных проектов. Успехов вам и всего самого доброго. Д. Медведев».

Я считаю важным, что на протяжении многих лет проводятся Лихачевские чтения, которые учреждены совместно СПбГУП и Конгрессом петербургской интеллигенции, Российской академией наук, Российской академией образования, действуют при поддержке Европейской академии наук и искусств и Министерства иностранных дел РФ. От имени Министерства иностранных дел выступит Александр Игоревич Кузнецов.

А. И. КУЗНЕЦОВ: — Уважаемые коллеги! Прежде всего хочу поблагодарить организаторов за честь принимать участие в очередных Международных Лихачевских научных чтениях. Министерство иностранных дел стояло у истоков создания этого форума. В рамках Лихачевских чтений действует дипломатическая программа «Международный диалог культур», которую мы очень ценим. На протяжении всего периода существования форума наши представители постоянно в нем участвовали и оказывали поддержку. Это продиктовано отнюдь не формальными соображениями, а глубоким убеждением, что эффективная внешняя политика России в современном мире может осуществляться только с учетом глубокого понимания тех межцивилизационных, межкультурных проблем, которые из года в год изучает, обсуждает ваш форум.

Говорят, что российская внешняя политика носит прагматический характер и основана не на абстрактных идеях, а на национальных интересах, что записано в концепции внешней политики России, но прагматизм отнюдь не означает узкий меркантилизм, о котором уже сегодня во многих выступлениях говорилось. Далеко не все в международных отношениях и внешней политике измеряется рублем или долларом.

Самый яркий пример: любой из моих коллег, представлявших Россию в разных странах, и все здесь присутствующие знают, что авторитет, доброе имя России в мире или, как говорили наши дипломаты в XIX веке, обаяние русского имени, определяется во многом отечественной культурой. Точно так же наши внешнеполитические интересы не могут рассматриваться в отрыве от тех глубинных процессов, которые происходят в межкультурных, межцивилизационных отношениях, которые буквально на глазах меняют лицо нашего мира. И чем бы мы ни занимались, с какими бы разноплановыми проблемами ни имели дела, начиная с ситуации в Сирии и заканчивая проблемой усыновления детей или, например, необходимостью защищать нашу страну от попыток искажения ее истории — за всем этим стоит проблематика, которая близка Международным Лихачевским научным чтениям и имеет жизненное

значение для деятельности нашей дипломатии. Поэтому мы очень рады, что авторитет форума постоянно растет, что в его орбиту втягиваются все новые творческие силы, не только научные, но и силы гражданского общества, это тоже очень важно.

Сегодня по традиции министр иностранных дел Сергей Викторович Лавров обратился с приветственным пожеланием в адрес нашего форума. Я процитирую только одну мысль: «Содействие взаимоуважительному и плодотворному взаимодействию наций и конфессий — безусловный приоритет российской политики как внутри страны, так и на международной арене. Усилия, направленные на выработку общих ценностей, на укрепление нравственной основы международных отношений, являются важным вкладом в работу по созданию условий для подлинного партнерства между государствами, формированию справедливой и демократической международной системы. Желаю Вам успешной работы и всего самого доброго».

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо. Слово представляется заместителю директора Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Академии общественных наук КНР У Эньюань.

У ЭНЬЮАНЬ: — Уважаемые коллеги, поскольку доклад уже размещен на сайте Университета, попытаюсь тезисно высказать несколько мыслей. Первый тезис заключается в попытке оценить вклад социалистической модели, которая сложилась в Советском Союзе в XX веке, в развитие мировой цивилизации и опыт китайского развития на основе советской модели. После распада Советского Союза возникли различные, совершенно противоположные оценки того, что было сделано во времена существования СССР. С точки зрения философии любой феномен имеет как положительные, так и отрицательные элементы. И опыт Советского Союза можно рассматривать именно так: в нем были негативные и позитивные моменты. К примеру, к позитивным моментам можно отнести победу Советского Союза во Второй мировой войне. В этом плане мне импонирует оценка событий, которая представлена в фундаментальной работе «История Советского Союза» под редакцией академика Абалкина.

Все руководители СССР после Сталина (Хрущев, Маленков, Косыгин, Андропов) пытались реформировать сталинскую модель. Мы оставляем в стороне вопрос о том, насколько успешными были эти попытки, но как историки должны по достоинству оценить их вклад в развитие общечеловеческой цивилизации. Необходимо определить, какие направления реформ были позитивными, какую роль они сыграли в китайских реформах.

Первое ключевое позитивное направление — это попытки разрушить «магическое» понимание марксистской теории экономики, реализовать сочетание плановой и рыночной экономики. Второе направление — попытка реформировать централизованную систему управления политическими процессами и экономикой в стране, придание большей самостоятельности хозяйственным субъектам и обществу. Третье на-

правление, которое я считаю также позитивным, — это стремление не только к росту ВВП, но и к гармоничному развитию человека и общества в целом.

Я должен отметить, что в Китае сначала пристально следили за этими реформами. В нашей стране в свое время при реформировании хозяйственной системы многое было заимствовано из советского опыта.

В заключение я хочу сказать, что Советский Союз распался не в силу того, что система перестала работать, эта модель работает. Проблема заключалась в том, что руководители не смогли должным образом разрешить проблему сложных взаимоотношений между тремя важными факторами, такими как реформа, развитие и стабильность. Социализм с китайской спецификой был построен с учетом как негативных моментов советского опыта, так и позитивных, которые были наработаны в ходе предыдущих реформ Советского Союза. Поэтому мы должны по достоинству оценить вклад советской модели в развитие человеческой цивилизации.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — На трибуну приглашает академик Юрий Сергеевич Шемшученко.

Ю. С. ШЕМШУЧЕНКО: — Прежде всего я хочу поблагодарить Оргкомитет за приглашение небольшой украинской делегации принять участие в Лихачевских чтениях. Здесь присутствует еще один представитель Украины — известный ученый, археолог и историк, академик Петр Петрович Толочко. Мы высоко оцениваем значение данного форума, не в первый раз принимаем участие в этом мероприятии и знаем, что результаты работы данного форума имеют принципиально важное значение для развития различных отраслей науки.

Я давно работаю в области теории права. Одной из проблем, которые мы обсуждаем на этом форуме, является проблема развития права. Можно сказать, что право — это социальная ценность. К такому выводу пришли ученые, специалисты в этой области. Конечно, право — не панацея от всех бед и имеет много негативных последствий, оно не все может урегулировать в общественных отношениях. Но человечество пока ничего другого не придумало для гарантирования элементарного правопорядка в обществе, для того чтобы человеческие отношения складывались надлежащим образом.

В нашей истории была разработана теория об отмирании права и государства по мере построения коммунистического общества. По расчетам, которые тогда были сделаны, сегодня мы уже должны были бы жить без государства и без права, а отношения должны были бы регулироваться только на основании норм морали и т. д. Но эта теория не выдержала никакой критики, и мы знаем, что сегодня большинство новообразованных в 1990-х годах государств записали в своей конституции, что они являются правовыми. То есть, по сути, вопрос решается в пользу того, что сегодня именно право должно играть решающую роль в регулировании общественных отношений.

Хотя еще столетие назад один из специалистов в этой области профессор Кистяковский писал о том, что правовое государство — это государство, где

открывается широкая сфера для регулирования общественных отношений норм морали, а не права. Правовое государство можно построить только в том случае, если все люди станут святыми. Сегодня возникает трудность в регулировании общественных отношений на границе частично норм морали, частично норм права, то есть это сложная теоретическая проблема, которая должна решаться именно в контексте тех проблем, которые мы обсуждаем в рамках форума, посвященного диалогу культур. Право — социальная, культурная ценность.

На этом пути открываются новые возможности для развития правового государства. Известный российский ученый профессор Алексеев писал о том, что мы приближаемся к построению государства с правом цивилизованных народов, что требует дальнейшего развития с теоретическим обоснованием постановки вопроса. Вопрос заключается прежде всего в том, чтобы право стало более гуманистическим, наполнилось бы более гуманистическим содержанием, в этом направлении оно и должно развиваться.

В то же время право должно соблюдаться, и это тоже один из постулатов. Под этим углом зрения на Украине сейчас проводится конституционно-правовая реформа, причем достаточно оригинальным способом — при президенте была образована специальная Конституционная комиссия, состоящая из ста представителей науки, конституционного права и юристов-практиков (более 70 человек). Открывается возможность обсудить проект изменений в Конституции Украины с учетом максимальной научной обоснованности. После этого вопрос рассматривается уже на уровне Верховного Совета. Согласно планам, которые действуют в рамках данной Конституционной комиссии, примерно в мае мы примем концепцию изменения Конституции Украины. В следующем году будет представлен соответствующий проект. Мы надеемся, что в этот процесс будут вовлечены специалисты из других стран, прежде всего российские, уже подключены соответствующие европейские организации, в том числе Совет Европы и некоторые другие. Важно найти в этом процессе наиболее оптимальное решение с учетом уже имеющегося опыта других государств. В то же время сложно внедрить такой опыт, а также сохранить национальные особенности Украины. Участие в этих Чтениях будет способствовать в этом.

Еще одна глобальная проблема — это охрана окружающей среды. В решении этой проблемы право, прежде всего международное, должно сыграть более важную роль. В этом контексте были разработаны предложения по подготовке проекта всемирного экологического договора. Мы его называем «экологической конституцией Земли». С одной стороны, человечеством осознается важность этой проблемы, а с другой — ее решение продвигается крайне трудно. Мне приходилось выступать с трибуны ООН при обсуждении данного вопроса, и на сегодня одна часть богатых стран не педалирует этот вопрос, потому что заинтересованы в том, чтобы иметь возможность вывозить отходы производства в бедные страны и таким образом загрязнять бедные страны и очищать свои. С другой

стороны, бедные, развивающиеся страны тоже не спешат с решением этого вопроса, ссылаясь на то, что у них есть более важная проблема — это борьба с бедностью. Таким образом, пока на уровне Организации Объединенных Наций решение этого вопроса продвигается очень медленно. Нужно использовать опыт, который сложился в рамках ООН, в частности в ходе разработки Международной конвенции ООН по морскому праву. Десять лет не было уверенности в том, что она будет принята, специальная Конференция ООН обсуждала эти проблемы, и в конце концов в 1982 году была принята Конвенция ООН по морскому праву, которая сегодня работает.

Необходимо, чтобы ООН создала конференцию по подготовке проекта международного договора или международной «экологической конституции Земли». Это определенное движение на пути решения этого вопроса.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется академику Макарову Валерию Леонидовичу¹.

В. Л. МАКАРОВ: — Я хочу сформулировать следующую проблему. Существуют две противоположные тенденции, которые исходят из одного центра. Первая тенденция — наличие «жесткой» и «мягкой» власти, или «мягкая сила» (Soft Power). Эту теорию сформулировал американский политолог Най (он написал много работ на эту тему, его активно цитируют и т. д.). Смысл заключается в том, что надо постепенно распространять «мягкую» власть, чтобы «жесткой» власти становилось все меньше. Вместо того чтобы завоевывать территорию с помощью оружия, надо завоевывать умы, но уже другими методами. У «мягкой» власти свои методы: информационные войны, идеологические и прочие, эти технологии сейчас разработаны. В известных «цветных революциях» существенную роль сыграла именно «мягкая» власть. Сейчас распространяется мировая тенденция, когда «мягкая» власть захватывает все больше пространства, теснит «жесткую» власть. Но отсюда возникает противоположная тенденция, когда «жесткая» власть теснит мягкую.

Что такое «жесткая» власть? Это, в частности, принятие законов, которые должны строго выполняться, соответствующая судебная система и т. д. «Жесткая» власть распространяется на те области, которые традиционно считались сферой действия «мягкой» власти (это восходит к социальным нормам и т. д.). «Мягкая»

¹ Директор Центрального экономико-математического института РАН, декан экономического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, директор Высшей школы государственного администрирования МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч.: «Математическая теория экономической динамики и равновесия», «Оценка стоимости нематериальных активов и интеллектуальной собственности» (в соавт.), «Наука и высокие технологии России на рубеже третьего тысячелетия», «Россия в глобализирующемся мире. Модернизация российской экономики».

Главный редактор журнала «Экономика и математические методы». Член редколлегий и редакционных советов журналов: «Economics of Planning», «Social Sciences», «Кибернетика и системный анализ», «Экономическая наука современной России», «Науковедение», «Оптимизация» и др. Лауреат премии Совета Министров СССР и др.

власть — когда общество управляет собой самостоятельно.

Что мы наблюдаем сейчас? Например, ювенальная юстиция. Вместо того чтобы общество само определяло, регулировало семейные отношения, принимается закон, то есть действует «жесткая» власть. И таких примеров довольно много. Допустим, оскорбление религиозных чувств. Вместо того чтобы само общество определяло, что и как нарушается в религиозной сфере, принимается жесткий закон. Но какими бы умными людьми он ни принимался, его можно будет трактовать как угодно.

Получает распространение противоположная тенденция, когда вместо того, чтобы общество, в том числе его гражданские структуры, определяло, как нам жить, принимает законы. Франция приняла закон о легализации однополых браков, потому что необходимо жестко регламентировать взаимоотношения между полами. Как будто общество само не в состоянии это сделать, надо все прописать в законе: разрешено или нет, чтобы однополые семьи воспитывали детей. Но я уверен, что в любом случае будет непонятно. То есть набирает силу другая тенденция, когда «жесткая» власть начинает теснить «мягкую».

На мой взгляд, человечество движется в сторону, когда мы будем управлять в основном с помощью «мягкой» власти, то есть идеологии, не будет терроризма и подобных явлений именно благодаря тому, что мы будем управлять сами с помощью «мягкой» власти.

Я обозначил две тенденции, которые, что удивительно, исходят из одного центра. Идет наступление на «мягкую» власть. Было бы интересно послушать объяснения этого феномена.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Валерий Леонидович, объяснение одно — тотальное падение культуры власти. Это мы обсудим в ходе дискуссии. Приглашаю на трибуну академика Владислава Александровича Лекторского.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Сегодня я услышал много интересного, и хочу сформулировать несколько тезисов по этому поводу. Мое выступление связано с проблематикой, которая всегда обсуждается на Лихачевских чтениях. Сегодня много говорили о том, что творится в культуре, о бескультурье, утрате ценностей, эрозии ценностей во всем мире и в России в частности, о конфликте цивилизаций и пр.

В связи с этим я хочу поставить три вопроса и рассказать о трех мифах, которые мешают правильно обсуждать эти проблемы. Первый вопрос: «Зачем культура вообще нужна?» Второй: «Возможен ли диалог культур?» Третий: «Нужен ли диалог культур?»

Зачем нужна культура? Я иногда читаю статьи отечественных экономистов, которые рассуждают о справедливости, в частности они пишут, что это не их дело, что перестали изучать Пушкина, главное, чтобы была эффективность. Задача экономистов — чтобы экономика была эффективной, а также, наверное, борьба с коррупцией, поскольку она мешает экономическому механизму нормально функционировать.

Все остальное, может быть, и важно, но на экономику не влияет.

Недавно довольно известный социолог и экономист удивил меня следующим высказыванием: «Дорогие друзья, без культуры понять экономику невозможно, и то, что делается в российской экономике, прямо связано с тем, к какому культурному типу мы принадлежим». И далее следуют его рассуждения, правда, довольно сомнительные. Он говорит о том, что существуют два типа культуры. В одной культуре с экономикой и гражданскими институтами все хорошо, там есть и «мягкая» сила, и «жесткая», они прекрасно взаимодействуют. А у нас все скверно, экономика не развивается, «жесткая» сила теснит «мягкую», как сказал Валерий Леонидович.

По мнению этого экономиста, Западная Европа приняла свой культурный код от Ветхого Завета, поэтому там все основано на законности и известном принципе талиона «Око за око, зуб за зуб». А Россия пошла не по тому пути, она приняла истину христианства, где есть любовь к ближнему. На этой основе никакой экономики не создашь, ничего хорошего не будет. Это, конечно, не соответствует реальности, потому что без христианства Западная Европа была бы невозможна. Россия — христианская страна, у которой есть свои особенности. Если проблемы есть, то в этой плоскости их нельзя решать, может быть, они связаны с тем, что мы утратили свой культурный традиционный код, но это особый разговор. Во всяком случае этот экономист, с которым я не согласен в его выводах, конкретном анализе, признал тот факт, что это на самом деле так.

За экономическими, геополитическими проблемами, политикой, массовыми конфликтами стоит борьба культурных смыслов, в мире вообще идет война. И культура — не просто украшение. Здесь собрались культурные люди и рассуждают о культуре, диалоге культур, но не потому, что нам нечего делать, а потому что в самом деле, как сегодня стало ясно, культура лежит в основе всего остального. Без этого все остальное невозможно. Поэтому рассуждения о том, что экономика — одно, а культура — другое, — это миф.

Вторая проблема касается диалога культур. Говоря о диалоге культур, мы понимаем, что без него невозможно движение. Но почему-то в культуре мы не видим диалога культур, а видим то, что эти культуры сцепились друг с другом и борьба идет за то, кто кого вытеснит. В мире идет борьба за навязывание определенных культурных смыслов. Почему так происходит и что делать? Причина — в людях, неумных, необразованных.

Здесь вспоминается одна теория, которая на самом деле считается мифом. Культуры настолько различны, что никакого диалога не может быть вообще. Культура — это способ осмысления мира, очки, через которые человек смотрит на все, это система смыслов и система ценностей. Они настолько разные в разных культурах, что просто не могут понять друг друга. Что хорошо для одного, плохо для другого.

Существует целая теория, связанная с трудностями перевода. Несколько лет назад французы издали

«Словарь невозможности переводов». Во французском языке есть такие философские понятия, которые не переводимы на другой язык, таких примеров можно привести множество. В американской философии существует даже теория невозможности детального перевода, которую обсуждают уже 30 лет. Один знаковый специалист по арабской философии из Института философии считает, что многие вещи просто непереводимы. Но из этого делается вывод, что диалог вообще невозможен, даже если и можно жить вместе. А как жить? Либо каждый живет в своей клеточке, не пытаясь понять другого и наладить диалог, либо смыслы одной культуры навязываются другой. Это сможет сделать тот, у кого больше военной силы, денег и т. д. Я хочу сказать, что это тоже миф.

Валерий Леонидович правильно сказал, что на самом деле всегда имело место взаимодействие культур, и каждая культура не есть нечто гомогенное, она гетерогенна, в ней есть разные смыслы, слои. Это было всегда. Культура — это не замкнутая монада (философ Лейбниц считал, что мир состоит из монад, которые не имеют окон, не могут взаимодействовать друг с другом). Взаимодействовать друг с другом можно, правда, не всегда это получается, но существует общее поле смыслов. Когда люди одинаково понимают и мыслят, диалог бессмыслен, потому что они друг другу скажут то, что уже знают. Диалог невозможен, если участники совпадают во всем или если существует абсолютное различие позиций. Диалог возможен и нужен тогда, когда в чем-то есть сходство, в чем-то — различие.

Третий миф. Сейчас ряд исследователей утверждает: есть традиционные культуры, они разнообразны и между собой, может быть, взаимодействуют. Но дело в том, что весь мир, все существующие культуры — западные, восточные — оказались в новых условиях, когда возникли глобальная цивилизация, технотехника, общество знания. Общество гомогенизируется, наука и техника, технологии делают его не более разнообразным, а, наоборот, более гомогенным. Это первое. Второе: вообще все культуры устарели и надо от них отказаться. Человек несовершенен, и на этом пути, какой бы диалог ни велся, ничего хорошего не сделает, нужно выйти за пределы существующего человека.

Сегодня поднималась экологическая проблема. Сейчас возникают новые парадигмы, надо об этом говорить и думать, и многие уже пишут об этом. Природу нужно изменить, все переделать, все естественное сделать искусственным, якобы новые нано-, биоинформационные технологии дают такую возможность. Как сказал один теоретик: «Нужно выйти за пределы природных ограничений и начать с человека, заменить его тело, мозг». Недавно один известный отечественный нейрофизиолог предложил: «Дайте мне денег, я через 10 лет создам супермозг, в нем не будет ничего человеческого». Действительно делаются вещи фантастические, но ставится уже иная задача — создать пост-человека.

Все культуры разные, потому что человек несовершенен. Какой бы диалог ни велся, человек всегда уязвим и сам по себе противоречив. Это новая биотехнологическая утопия, позволяющая создать интересные

явления, но сама цель утопическая, по-моему, просто опасная. Из разряда таких, когда говорят, что лучший способ от головной боли — это гильотина. Если уничтожить человека, все человеческие проблемы исчезнут, хотя это делается всерьез. Об этом идет речь. То есть можно показать, что основные смыслы, на которых основывается любая культура (восточная, западная), — сострадание, мужество, забота — утрачивают всякий смысл.

Это кажется фантастикой, но это не фантастика, много людей на Востоке и Западе участвуют в этом процессе. К этому надо относиться серьезно. Даже если будет создан супермозг, он все равно не будет мыслить так же, как человек с его якобы несовершенным мозгом.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — К микрофону приглашается Кари Тапиола, специальный советник генерального директора Международной организации труда (Швейцария).

КАРИ ТАПИОЛА: — Уважаемый господин председатель, дамы и господа! Большое спасибо за приглашение Международной организации труда на это важное мероприятие. Исходя из того, что диалог культур — это диалог на разных языках, я использую русский, мой родной язык финский. Русский является официальным языком МОТ. Диалог культур имеет много разных аспектов: национальный, международный, внутренний, внешний, социальный, политический, культурный. В современном мире диалог приобретает все более глобальный характер. Такой диалог (или сеть диалогов) очень важен для Международной организации труда. МОТ — первая международная организация, ей скоро исполнится сто лет. Это не только межгосударственная организация, с самого начала, с 1919 года, МОТ включает и представителей рабочих, профсоюзов, и предпринимателей.

Что является целью трехстороннего диалога Международной организации труда? Если мы хотим вести диалог, сначала его надо организовать. Необходимо вести социальный диалог о трудовых отношениях, праве на труд. Большинство населения живет на средства от своего труда. Международное трудовое законодательство обсуждалось в Париже в 1919 году и является элементом мирного договора этого года. Конституция МОТ начинается словами: «Прочный мир возможен только при уважении социальной справедливости».

Сегодня, в условиях глобализации, чему должен служить на практике диалог, в том числе социальный? Решение трудовых, социальных споров возможно на базе диалога, переговоров, взаимоуважения, учета интересов всех сторон. В процессе глобализации диалог возможен на основе справедливости, требует участия всех государств, организаций, работодателей, предпринимателей, профсоюзов, общества в целом, академического круга, это общая задача для всех.

Культура диалога — это культура компромиссов. Когда ведутся споры, решение не будет найдено при полной победе той или иной стороны. Диалог — это не диктат, диалог должен использоваться вместо диктата. Роль Международной организации труда —

разрабатывать нормы, стандарты для процессов, которые могут привести к надежным результатам, основанным на компромиссах. В конфликтах найти решения возможно на базе фундаментальных прав, общего понимания и диалога, это приведет к укреплению совместных интересов. Я надеюсь, что этот аспект социального диалога послужит одним из важнейших элементов диалога культур.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Приглашаю на трибуну судью Конституционного Суда РФ профессора Михаила Ивановича Клеандрова.

М. И. КЛЕАНДРОВ: — Я полностью разделяю один из тезисов Александра Сергеевича, который не только не опровергнут, но и поддержан другими выступающими, — о том, что задачей науки является осмысление того, где мы находимся, какие недостатки у нас есть, к каким вершинам необходимо стремиться, что нужно сделать, чтобы не свернуть с этого пути в тупик или вообще не впасть в бескультурный регресс.

В связи с этим уместно вспомнить, что еще полвека назад в то время уже широко известными писателями-фантастами Аркадием и Борисом Стругацкими был создан в нескольких художественных произведениях «мир полудня» (по названию одного из романов «Полдень XXII век (Возвращение)»), который в литературоведении позже был охарактеризован как мир, в котором хочется жить и работать. С хронологической поправкой как сейчас можно было бы представить этот мир, в котором хочется жить и работать? Центральное слово здесь — «хочется», не тот, который будет обязательно, но который хотелось бы построить. И где хотелось бы жить и нам, и нашим детям и внукам, работать и быть счастливыми? Видимо, это мир высокой культуры, мир, в котором регулируются отношения между гражданами, в том числе с помощью «мягкой» силы, в общем, это и есть регулирование на основе норм морали. Но необходимо регулировать отношения и с помощью норм права, там, где нормы морали не срабатывают. Государство неизбежно, значит, речь должна идти о высоком уровне правовой культуры. Это общество, мир с высоким уровнем правовой культуры. И поскольку государственное устройство и в светлом будущем тоже будет иметь три ветви государственной власти, это мир, в котором третья ветвь государственной власти представляет собой механизм высокопрофессиональных судей, обладающих высоким уровнем профессиональной правовой культуры, который обеспечивает работу этого механизма, осуществление правосудия правого, скорого и справедливого.

Это отнюдь не означает, что сейчас у нас механизм правосудия несправедлив, просто он соответствует нынешнему уровню развития нашего общества и иногда дает серьезные сбои, но у нас все государственные и общественные институты подчас дают серьезные сбои. Суть заключается в том, что это оценочная категория, справедливая или несправедливая, а оценку должна давать не судебная власть, а общество. А общество считает, что судебные решения не всегда справедливы,

не по отношению ко всем и т. д. Есть большой резерв для совершенства.

Принципиально важным является то обстоятельство, что судебский корпус, судебское сообщество России это очень хорошо понимает и воспринимает. Это не самокритика, а осознание фактического положения дел. Во второй половине декабря 2012 года состоялся 8-й Всероссийский съезд судей, который проходит один раз в 4 года. В заключительном постановлении съезда было сформулировано следующее положение: «Все более настоятельной представляется необходимость разработки и принятия государственного проекта стратегических преобразований организационно-правового механизма судебной власти, нацеленного на построение справедливого суда, отвечающего глубоким чаяниям российского общества». И далее: «К поиску решения этой задачи необходимо привлечение потенциала и высших судов, и судебского сообщества, и государственных органов, и общественных институтов, и научных учреждений». Решения съезда — это не мнение отдельных категорий ученых и судей, это консолидированное мнение всех 32 тыс. действующих судей, за него проголосовали все 700 делегатов съезда, отдельно проголосовали за итоговое постановление съезда и это положение. Это серьезное свидетельство того, что судебское сообщество понимает, что и как нужно делать.

Но прежде всего это проблемная задача стратегического характера, а не дело судебской власти, прежде всего это научная проблема, более того, это проблема фундаментальной науки. К ее решению должно быть привлечено внимание, наука должна быть задействована даже в выработке не только стратегии, но и идеологии проекта, поскольку не очень понятно, что такое категория справедливости, поскольку она оценочная. Должны быть задействованы не только общественные науки, но и других отделений, в том числе Отделения науки о Земле, и медицины, и психологии и пр. По своей значимости, результатам, глобальному значению этот научный проект находится, наверное, на одном уровне с такими серьезными научными проектами, как атомный, космический. Но только на него средств выделяется намного меньше.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется судье Конституционного Суда РФ профессору Николаю Семеновичу Бондарю.

Н. С. БОНДАРЬ: — Уважаемые участники Лихачевских чтений, коллеги! Продолжая наш разговор на чрезвычайно интересную тему, я хочу сказать, что у меня возникло ощущение (неслучайно я всех назвал коллегами), что нахожусь в аудитории конституционалистов. Все проблемы, которые здесь обсуждались, имеют конкретное, ярко выраженное, часто концентрированное конституционно-правовое значение. В этом отношении доклад Александра Сергеевича я бы назвал одним из фундаментальных, касающихся кризиса современного конституционализма и ценностей современности.

Первый тезис: мы часто говорим о глобализации мира, в том числе о правовой глобализации, но современный мир переживает в том числе системный кризис

конституционализма с позиции институциональных, функциональных, ценностно-аксиологических характеристик и т. д. Одним из средств, путей преодоления этого кризиса может стать диалог культур, причем не в абстрактном проявлении. Я вспомнил слова Габриэля Лауба: «Цены в магазине конкретны, а ценности абстрактны». Преодоление в том числе кризиса конституционализма — это путь к тому, чтобы одухотворить, оживить, заземлить, конкретизировать абстрактные ценности свободы, равенства, демократии и справедливости и т. д. И это необходимо сделать прежде всего в рамках конституционализма, тех ценностей, которые имеют и писанные воплощения, и духовные характеристики. Это двуединство явлений. Впрочем, здесь можно вспомнить Евангелие от Иоанна (книга 1, стих 17): «...ибо закон дан чрез Моисея; благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа». Хочу обратить внимание, что в Евангелии нет противопоставления закона от Моисея и добродетели, справедливости от Иисуса Христа. И нет, таким образом, противопоставления Ветхого и Нового Заветов с точки зрения ценностных характеристик.

И это важно, как это ни покажется странным в данной аудитории, и для понимания конституции. Конституция — это не просто основной закон государства, за такой ответ на экзамене даже первокурснику вряд ли поставят тройку. Это вульгарно-нормативистская оценка. Конституция — это воплощение единства буквы и духа закона. И дух есть, во-первых, ценностное наполнение этого документа как действующего нормативного акта, во-вторых, воплощение основополагающих принципов нормирования жизни, в-третьих, это основы государства и общества. И своего рода «лампадой» является глава 1 Конституции, которая отражает все эти ценности. Но они сами по себе не могут работать, должны быть механизмы, в том числе государственно-правовые. Важнейшим механизмом является конституционное правосудие.

Приняв участие в Лихачевских чтениях, я осознал, почему Конституционный Суд перевели в Петербург. Потому что Санкт-Петербург — действительно культурная столица, но без конституционализма, конституционного правосудия это была бы неполная характеристика. Подтверждением тому является то, что Александр Сергеевич, по существу, создал филиал конституционного правосудия в своем Университете. Несколько судей Конституционного Суда постоянно выступают здесь.

Последний тезис: конституционное правосудие выполняет преобразовательно-культурологические функции. Конституционный Суд — это не просто суд, он значительно больше, чем суд, и не только потому что судит не человека, а закон, власть. Конституционный Суд обеспечивает гармонизацию буквы и духа Конституции — сочетание ценностей Моисея и Иисуса Христа. И каждому из нас предоставляется возможность принять участие в этом, для того чтобы в конечном счете мы жили в условиях симфонии, а не какофонии.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Я очень рад, что мы с судьями высокого ранга встречаемся в такой обстановке.

Слово предоставляется профессору Ричарду Льюису, президенту Международного института языкового и кросс-культурного тренинга “Richard Lewis Communications” (Великобритания).

Р. ЛЬЮИС: — Я первый раз принимаю участие в такой конференции и благодарен Александру Сергеевичу за то, что он предоставил мне возможность высказаться перед замечательной аудиторией. Я рассмотрю обсуждаемые явления с иной точки зрения. Мое выступление посвящено теме международного бизнеса в контексте диалога культур. Мои размышления продолжают то, что мы обсуждали сегодня с утра. Глобализация бизнеса предполагает, что отдельные предприниматели и компании должны находиться во взаимосвязи и коммуницировать между собой гораздо больше, чем в обычном производстве. Это черты глобализации.

Возникает вопрос: насколько хорошо или плохо мы проводим диалог? Потому что глобальный бизнес — это диалог культур, мы говорим, передаем друг другу информацию, этот диалог культур происходит каждый день. Таким образом, можно оценить, насколько хорошо мы ведем этот диалог. Иногда возникают трудности. Могут потребоваться некие дипломатические усилия, может быть, необходимо договориться о повестке дня, что тоже достаточно сложно.

Сфера бизнеса предоставляет много возможностей для коммуникации, диалога культур. Для ведения бизнеса необходимо иметь общие цели, общую основу, потому что таким образом мы заработаем деньги. Мы стараемся извлечь пользу из диалога. Я работаю в области международного бизнеса, сотрудничаю с “Deutsche Bank”, “Opel” и Всемирным банком. Результаты этого сотрудничества неплохие, люди действительно хотят коммуницировать друг с другом. Но возникают определенные проблемы. Многие крупные компании, такие как, например, IBM, “Castrol”, “Toyota” и другие, имеют международные команды, которые представляют компанию в различных странах. Допустим, из 10 человек в такой группе 5 или 6 имеют различные национальности, так что диалог культур происходит даже внутри этих групп. Они должны вести бизнес довольно слаженно, насколько это возможно, для этого у них должны быть общие основы. Я часто работаю с такими международными командами, поэтому знаю, как это происходит. Вначале, конечно, возникают трудности, напряженность, проявляется различный уровень владения языком, национальные тенденции и привычки в этом диалоге тоже сбиваются.

Различные тенденции обуславливают следующие различия: американцы склонны к действиям, японцы — к гармонии, французы решают проблемы, немцы пунктуальные и т. д. Глава должен сплотить эту международную группу, обычно требуется 10–12 месяцев для того, чтобы такая международная команда выработала командный язык. Я имею в виду не английский язык, а общий стиль общения, взгляд на вещи и т. д. Тогда легче вести диалог, появляются общие идеи, юмор. Обычно эту высокую планку можно поддерживать месяцы и годы, но иногда из-за внешних проблем,

например в бизнесе, возникают внутренние проблемы, кризисы. Такая напряженность подрывает диалог внутри команды, и здесь проявляются национальные характеристики: американцы стараются все сделать быстрее, немцы работают медленнее, французы погружаются в цинизм, британцы прибегают к своему знаменитому юмору, а другие пребывают в растерянности: «Почему мы не можем прийти к общему согласию?»

Сегодня мы уже обсуждали, почему мы такие разные. Допустим, существует 300 различных культур, 3 тыс. различных диалектов. Что вызывает такое различие? Четыре главные причины: это климат, религия, язык и национальность.

Если вы рождены в Мурманске, то, конечно, вам будет трудно установить коммуникацию с тем, кто родился в Конго. Средиземноморское солнце влияет на стиль общения — быстрый разговор. Арктика отличается от того, что мы имеем в Средиземноморье, это сказывается на манере речи. Мы по-разному относимся к успехам, поражениям и развиваем взаимоотношения с нашими соседями. О религии уже говорилось в ходе пленарного заседания. Еще один фактор — язык. Если вы родились в России, то думаете в российских понятиях о японце, который думает по-японски. Сильный фактор — национальность. В вежливом обществе, у которого богатый язык, ведут себя вежливо. И таким образом они стараются избегать в языке того, что можно выразить невежливо. Это можно проследить в любом языке.

Например, японцы очень заботятся о том, как сохранить лицо, и поэтому они должны на лице отразить то, что вы хотите сообщить другому человеку. Японцы выделяют пять различных уровней разговора, которые зависят от того, с кем он говорит: с вышестоящим или нижестоящим. Если вы разговариваете с японцем, то должны попытаться подняться на высший уровень, пятый. Это продиктовано культурой. Они достаточно жестко к этому относятся и не могут избежать ограничительных мер.

Люди думают по-разному. Например, в тайском языке 16 слов обозначают синий цвет, а в русском три-четыре. Шумные американцы говорят иначе, чем китайцы и немцы. Мы различаемся, но все-таки достигли очередного прогресса в международной коммуникации. Английский язык хорошо преподается во многих вузах России. В Западной Европе, России и даже в Китае сейчас активно изучают английский язык, и скоро эти страны будут двуязычными. В международных организациях, таких как ЮНЕСКО, используется английский как язык общения.

Появилась новая организация — БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южно-Африканская Республика). В этих странах сосредоточено 50 % всемирного населения и соответствующее количество ВВП. Они становятся фактором международных финансов, международной политики. Конечно, эти страны относятся к Западу по-разному. Здесь представлены четыре культуры: бразильцы, индусы, китайцы и россияне, которые используют свои способы. Через 2–3 года мы увидим, каким образом проявится голос БРИКС. Я уверен, что Россия будет распространять свои ценности и свое

понимание культуры. Мы видим, что диалог во всем мире меняется, особенно мы ожидаем этого теперь.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Все российские бизнесмены, те, кто участвует в международной деятельности, сегодня учатся по книгам Р. Льюиса.

Предоставляю слово декану Высшей школы телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова Виталию Товиевичу Третьякову.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Я хочу озвучить сомнения, в том числе по поводу того, что здесь прозвучало. Существуют красивые фразы, к которым мы привыкли, красивые слова, которые априори считаются позитивными содержательно и воспринимаются таковыми. Сегодня упоминалась энергия заблуждения как нечто позитивное. С этой энергией интеллигенция, ошибаясь, делала что-то замечательное для развития нашей цивилизации в целом и России в частности. Но одно дело, когда энергией заблуждения заражены умные, образованные люди, желательны еще и совестливые, а другое — когда невежды свою энергию заблуждения несут в массы, политику. Сейчас об интеллигенции не будем говорить, но те, кто сегодня считает себя интеллигенцией, называет себя интеллигентными людьми, — это не очень образованные, совсем бессовестные и далеко не умные люди. Мне их «энергия заблуждения» не нужна, хотя сам по себе термин красивый.

Моя статья называется «Монолог с позиции силы», в ней речь идет о культуре, телевидении и массовой культуре. Я коснусь того, о чем пишу в своей статье, но это имеет прямое отношение к сути сегодняшнего разговора. Потому что важнее, на мой взгляд, не сущности, не смыслы, не ценности, а механизмы, с помощью которых любые ценности, смыслы, сущности могут транслироваться, в первую очередь в массовую аудиторию, либо навязываться.

Два главных слова, которые сегодня прозвучали и присутствуют в названии Чтений, — «диалог» и «консенсус». Два красивых слова, без которых нельзя жить, как мы считаем. Основной пафос сегодняшних выступлений был именно такой. Но практически каждый оратор все-таки высказывал осторожное сомнение.

Я отвечу прямо на вопрос академика Макарова: «Почему из одной точки происходят “мягкая” и “жесткая” власть? “Жесткая” власть наступает на “мягкую”, хотя, казалось бы, говорят о другом?» Дело в том, что ключевое в этих двух терминах не «мягкое» и «жесткое», а слово «власть». И то и другое есть власть. Поэтому, когда нужно, она мягкая, когда нужно — жесткая, закулисная, публичная и т. д. Если в ряд «диалог», «консенсус» добавить третье слово «власть», то все становится на свои места. Самый продуктивный диалог — это диалог о капитуляции, который ведет победитель с побежденным, консенсус достигается очень быстро. Это акт о капитуляции. Никаких других плодотворных и эффективных диалогов я в своей жизни не наблюдал. Капитуляция необязательно военная, любая иная.

Например, в Советском Союзе наступило время гласности и перестройки, многими до сих пор

почитаемое, что прозвучало в контексте нашего разговора. Это был диалог всех со всеми. Писали, говорили, Первый съезд народных депутатов транслировался часами. Какой консенсус был достигнут в результате этого диалога? Только один: никто не стал защищать страну. В результате этого плодотворнейшего диалога страна просто исчезла. Не Россия, а страна под тем названием, в той конфигурации.

Или: что более идеологично, чем мировой кинематограф? Там продукция одних кинофирм и стран постоянно переносится на территорию других кинофирм — это просто бизнес. Кто в этом диалоге, полилоге постоянно побеждает? Голливуд. Может быть, мы победили хотя бы раз в этом диалоге, мы же в нем участвуем? Зачем мне диалог, в котором я все время проигрываю?

Перестройка — раз, Голливуд — два.

Перестройка уже в международном масштабе: Россия начала вести плодотворнейший диалог с Западом. Михаил Сергеевич Горбачев был мастер, любитель, апостол и апостроф одновременно этого диалога. Что в результате? Какой консенсус был достигнут? Тот самый, капитулянтский? На каких условиях? И условия были плохие: вывод советских войск из Центральной и Восточной Европы. Итак, я считаю, что, к сожалению, нужно многое пересматривать, в том числе и то, как мы преподаем молодежи, сталкивающейся с реалиями жизни, которые расходятся с красивыми речами, в том числе такими, о которых я говорил.

Мы не сможем двигаться дальше, потому что мир, как здесь справедливо было сказано, становится внешне все сложнее, а внутренне — упрощается. Сущностей становится меньше. Такая сущность, как власть, никуда не уйдет. Я считаю, что мы должны быть честнее и глубже. Я считаю, что если два соседа хотят дружить, то между ними возникает консенсус. Но как только один начинает быть недовольным другим, то уже, на мой взгляд, никакой диалог делу не поможет.

Может быть, Александр Сергеевич, в следующем году (если Вы планируете продолжить этот разговор) направить дискуссию в другое русло, не столь пафосное, не столь привычно стереотипно-позитивное?

Мой доклад посвящен массовой культуре, культуре и телевидению. Казалось бы, диалог идет, массовая культура ведет диалог с культурой, высоким искусством, но где? Что, эстрадная звезда с акробатом встречаются на сцене? Они ведут диалог в реальной жизни, прежде всего на экранах телевизоров. Кого выбирают люди, кого нужно больше показывать? Выбор делают телевизионщики. Телевидение стало храмом массовой культуры, в котором есть комнатка, где живет настоящее искусство. В эту комнатку могут заглянуть любители, кто хочет что-то посмотреть, туда наведываются представители массовой культуры с целью посмотреть, что бы еще из настоящего искусства содрать и превратить в массовый продукт. Если это называется диалогом, а не паразитированием или кражей интеллектуальных, нравственных ценностей, то о чем можно здесь говорить?

Мой вывод таков: сегодня наше общество, на мой взгляд, вся европейская цивилизация (мы не рассма-

триваем другие) находится не только в ситуации когнитивного диссонанса (любимый сегодня термин, который не несет позитивного смысла, это нечто проблемное), о чем, в частности, я попытался сказать, но когда мы говорим о массовой культуре, морали — еще и в ситуации этического и эстетического диссонанса.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Виталий Товиевич, Ваше выступление, как всегда, очень интересное и проблемное.

Я подвел итоги, кто из крупнейших ученых за последние 20 лет чаще всего выступал в СПбГУП. Оказалось, академики Степин и Гусейнов. Я этим горжусь. Можно, конечно, пригласить и других специалистов, но у нас есть некая миссия, и мне кажется, что, как ректор, я с ней справляюсь — в Университете выступают те, кто должен выступать.

Лихачевские чтения (я отреагирую репликой на некоторые высказывания Виталия Товиевича) — это междисциплинарная научная конференция. Мы сознательно приглашаем специалистов из разных областей научного знания, при этом стараемся, чтобы это были не только блистательные специалисты в своей области, но и мыслители, крупные личности, которые выходят за рамки профессии, размышляют о самых разных проблемах. В этом смысле узкий специалист, конечно, может участвовать в Лихачевских чтениях (например, недавно блестяще выступал выдающийся западноевропейский хирург), но надо понимать, что мы живем во время узкоспециализированного знания, и когда каждый выходит за рамки своего узкого направления, он ступает на зыбкую почву. Мы приглашаем и Эльдара Рязанова, и крупных писателей, музыкантов, которые чувствуют мир иначе и доносят свое видение этого мира.

Сегодня произошла удивительная вещь: из массы выступлений выделяются два человека, у которых болит душа за одно и то же, — это выдающийся экономист, математик, академик Макаров и выдающийся журналист Третьяков, их задело понятие «мягкой» и «жесткой» силы, чувствуют наши коллеги, что в нашей жизни происходит что-то не то. Но, Виталий Товиевич, термин «власть» здесь не ключевой. В социологии детально разработаны понятия «мягкие и жесткие регуляторы». Мораль, нравственность, то, что должно быть у человека в душе благодаря воспитанию, образованию, в социологии называется «мягкие регуляторы». Можно говорить: «Над нами власть, над нами сила», но это должно быть внутри у человека. Сюда же входят социальные нормы, аппарат социальных санкций. Когда человек совершил плохой поступок, его не уважают — это тоже «мягкие регулятор», а «жесткая сила», «жесткие регуляторы» — это закон. Вы совершенно справедливо отмечаете, что это огромная боль нашего государства. Власть, в большинстве своем неграмотная и аморальная, пытается реагировать на настроения людей принятием новых законов: «Мы постоянно принимаем законы, только их никто не выполняет», — это попытка заменить «жесткими» регуляторами «мягкие» — один из симптомов глубокого кризиса и болезни нашего общества.

Предоставляю слово академику Национальной академии наук Украины Петру Петровичу Толочко.

П. П. ТОЛОЧКО: — Тема моего доклада — «Империи как вершины мирового культурного развития». В каком-то смысле это реабилитации понятия «империя». Старшее поколение помнит, как в 1980–1990-е годы был подвергнут дискредитации термин «советская империя»: ее называли «империей зла» и др. Тогда пришли к выводу, что так дальше жить нельзя.

Между тем империи — это локомотивы мирового развития. Если вы посмотрите исторически от первых цивилизаций Междуречья до Советского Союза, то пики развития приходились именно на империи. Империи активные, динамичные, агрессивные входят в соприкосновение друг с другом и «пожирают» одна другую, но не сходят с исторической арены. Когда развалили Советский Союз, говорили, что наконец-то последняя империя приказала долго жить, причем это говорили люди, которые сами жили в империях — в США, в которых, как в Британии, не заходит солнце на ее владениях, в ее базах. Это говорили в Западной Европе, которая тоже является империей: НАТО и объединенная Европа — это новая империя. Но почему-то не нравилась именно советская империя. По поводу крушения СССР царил всеобщая эйфория. Я могу понять радость и восторг США, Западной Европы — они лишились конкурента. Я даже могу понять радость национальных элит, которые вдруг в одночасье стали президентами, царями и т. д. Но я не могу понять радость русских либералов. Почему им было хорошо, что разваливается великая страна и не будет этой империи? Конечно, было бы хорошо, если бы с развалом пришло новое качество. Новое качество появилось, но худшее. Крушение империи — это всегда трагедия.

Крушение Рима привело к варваризации культур, как и крушение Византии. Наверное, Советский Союз не был идеальным и не достиг вершин, но это было лучшее из того, что существовало на этом огромном постимперском, российском пространстве, было много достижений. И после — резкий обвал. Всем стало хуже. Стало хуже национальным республикам: резкий спад производства, падение культуры, демографические потери. Хуже стало и России: она перестала быть великой страной. Хуже стало и миру.

Александр Сергеевич говорил, что 30 лет назад было немыслимо, чтобы американцы бомбили Ближний Восток или Югославию. И не от того, что нравы пали, а от того, что пал Советский Союз, исчезло сдерживающее начало. Я хочу, чтобы мы задумались (главным образом молодая аудитория) над тем, что мировое развитие всегда определяется (очень противоречиво, сложно) крупными глобализационными проектами, которые заканчиваются рождением имперских образований, эти империи сообщают миру прогрессивное развитие. Наверное, это не лучшее, что могло бы быть, но ведь мы анализируем не то, что могло бы быть, а то, что есть. И перефразируя известного политического деятеля, скажу: империи, наверное, не лучшее из того, что придумало человечество, но лучшего оно придумать не смогло.

Мне кажется, что возрождение советской империи, империи во главе с Россией — императив времени, это нужно всему миру. Иначе маленькие страны, которые сегодня упиваются своей самостоятельностью, и моя родная Украина превратятся в маргинальные элементы, мы потеряем и культуру, и экономику, и демографию. Развитие возможно только в крупном сообществе, случайно Прибалтийские страны быстро перешли из одной империи в другую: им нужны были свобода, независимость и суверенность, но потом они отдали свою суверенность другой империи. На Украине так не получается: мы в одну империю не хотим, а в другую нас не берут. Я не знаю, чем это закончится. Но абсолютно уверен, что это огромное пространство от Европы до Владивостока все-таки должно возродиться как мощная, новая и динамично функционирующая империя. Ничего плохого я в этом не вижу.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Я приглашаю на трибуну дипломата Хуана Антонио Марка.

Х. А. МАРК: — Александр Сергеевич, благодарю за то, что Вы вновь пригласили меня на этот форум. Чтения, с одной стороны, объединяет мозговой штурм старшего поколения, с другой — у нас имеется молодое поколение, которое будет строить этот мир в будущем.

Я хочу рассказать о важности концепции самобытности. Самобытность — это традиционная идея. Раньше ее не рассматривали, но сегодня мы живем в мире технологической революции, имеющей различные характеристики, отличные от тех, что были раньше. Они в некоторой степени ограничены специфическим пространством в мире — это позволяет некоторым элементам становиться империями (Греция, Германия, Рим). Сегодня имеются различия, прежде всего технологии. Происходит горизонтальное развитие, реальная составляющая часть технологии — это граждане, которые станут движущей силой мира, независимо от государства, в котором они живут.

Необходимо выиграть время, чтобы избежать конфронтации, поскольку технологии развиваются очень быстро, через 15 лет будет завершен процесс консолидации технологических разработок. Например, одно изобретение — новое приложение “Apple” в телефоне, может быть, через 5 лет будет содержать программу автоматического вербального перевода с любого языка. Возможно, через пять лет у людей, которые вообще не знают языка друг друга, появится возможность общаться с человеком из любой части мира. На Земле проживают 7 млрд человек. Люди с помощью такого телефона будут осуществлять глобальную коммуникацию, что, в свою очередь, обусловит процесс трансформации.

Необходимо, чтобы люди сохранили свою самобытность, местные ценности. Нужны люди, которые будут защищать наследие тех мест, где они родились, местных культур, и в то же время они должны понимать, что местная культура — это ценность, которая не должна вступать в конфликты с другой культурой. Необходимо определить ценности, их важность и богатство.

С момента появления человечества реализуется простой подход к жизни — многие полагают, что только одно мнение является единственно правильным. Необходимо думать о разнообразии, диверсификации. Представьте себе, как был бы беден мир, если бы у нас был только один вид бабочек, одна порода собак, но у нас имеются миллионы различных видов бабочек, различных пород собак. Поэтому диверсификация, разнообразие — самое прекрасное из того, что существует в мире. Нужны разнообразие, гибкость как движущая сила нашего мира, движущая сила развития.

Важно понимать, что период империализма наций закончился. Новое будущее — это граждане. Необходимо открыть пространство, чтобы каждая страна чувствовала себя победительницей, а не проигравшей. Люди должны осознавать значение самобытности и разнообразия культур, и Лихачевский форум с этой точки зрения очень важен.

Следует принять во внимание два момента. Прежде всего это диверсификация (или разнообразие), то, как эту идею можно реализовать в Евросоюзе. На мой взгляд, мы достаточно успешно движемся в этом направлении. Будущее дает нам возможность сохранить это разнообразие. Необходимо гарантировать два основных момента: первое — прежде всего сохранение разнообразия, второе — следует избегать проявления империализма, империалистического мышления. Необходимо, чтобы в Евросоюзе были представители различных государств. Важно избежать конфронтации. Я надеюсь, что это произойдет.

И последнее — взаимоотношения между Россией и Евросоюзом. Как было сказано ранее, изначально Россия — это Европа. Испания — не только Европа, но и бывшие метрополии Латинской Америки. Испанцы могут уехать жить в Аргентину, Мексику, Бразилию. Движущие силы Испании основываются на тесной взаимосвязи с Центральной Европой. То же самое происходит, с моей точки зрения, сейчас и в России. Россия — это не только Европа, но и Азия, в этой стране проживает огромное количество национальностей. В истории России все важные моменты основываются на связях с Европой.

В этом Университете ведутся дискуссии о диалоге цивилизаций, может быть, в следующем году развернутся дебаты о концепции Большой Европы, не той Европы, которая придерживается империализма и модели империи, но той, которая обеспечивает сохранение наследия всех наций, при этом оберегая самобытность. Мы стремимся двигаться не вниз, а вверх, станем движущей силой на пути формирования положительного мышления, создания новой концепции взаимодействия.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Я приглашаю к микрофону профессора Анатолия Андреевича Громыко.

А. А. ГРОМЫКО: — Уважаемый президиум, уважаемый Александр Сергеевич! Сегодня проходит уникальный форум, потому что в таком составе мы уже никогда не соберемся. Я хочу надеяться, что с помощью тех высказываний, которые здесь прозвучали, мы

сможем добиться позитивных результатов в нашей работе. Я 6–7 лет был членом совета Пагуошского движения (в 1980-х гг.), о котором сейчас уже мало кто помнит. Это совершенно разные явления — Пагуош, манифест Рассела–Эйнштейна и Лихачевские чтения. Но мне бы хотелось, чтобы международное влияние наших Лихачевских чтений становилось все более широким и эффективным. Международный аспект наших дискуссий — это, наверное, то ценное, что привнесено в деятельность Лихачевских чтений за последние несколько лет.

Мое сообщение, с которым можно ознакомиться на сайте, посвящено теме «Глобальное управление как средство коммуникации в международных отношениях, возможности и риски». Я же хочу подчеркнуть следующее. Недавно мы праздновали День Победы в Великой Отечественной войне и всегда будем его отмечать. На Западе многие удивляются: «Опять Россия празднует праздник Победы? Не пора ли с этим покончить?» Во время Второй мировой войны я жил с родителями в США, где и вырос. С 7 до 16 лет я жил в Вашингтоне, потом в Нью-Йорке. Америка никогда не жила так хорошо, как во времена Второй мировой войны. Все было обеспечено работой, получали неплохие зарплаты, были дешевые продукты и т. д. День Победы — это праздник не только военной победы, это победа нового мирового порядка, оформленного с помощью нового правопорядка. Он основывался на принятом в июле 1945 года Уставе ООН, подписанном в том числе советской делегацией. Я горжусь тем, что мой отец, Андрей Андреевич Громыко, принял большое участие в подготовке этого важного документа и способствовал тому, что за великими державами осталось право вето. Рузвельт не хотел принимать это право, потому что у американцев было большинство в Совете Безопасности ООН, зачем им право единогласия? Президент Америки, симпатизировавший Советскому Союзу, Советской армии, которая сражалась с фашистами, стал выражать сомнения относительно принципа единогласия великих держав. Этот принцип относился к мировому управлению, которое потом трансформировалось в глобальное. Отец ему ответил, что этот принцип должен быть принят, иначе Советский Союз не будет членом ООН. Тогда было немыслимо, чтобы Советский Союз не стал членом такой организации, и Рузвельт принял принцип единогласия великих держав, который потом стал известен как «право вето». Кстати, многие задаются вопросом: «Почему какие-то державы имеют право вето?» Отец объяснял, что принцип вето — это принуждение к компромиссу. Действительно, поиски компромисса — это основное, что должно присутствовать в международных отношениях.

Следует различать реформы, которые мы наблюдаем в тех или иных областях международной жизни, новые или старые коалиции, которые возникают или расширяют свои функции, от попытки реформации международных отношений. В Уставе ООН закреплены принципы, устанавливающие мировой порядок, который можно назвать демократическим. Первый принцип — неприменение силы или угроза применения силы. Кто скажет, что это плохой принцип?

Второй принцип — невмешательство в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государств, невмешательство во внутренние дела других государств. Америка в 1920–1930-е годы добивалась, чтобы Советский Союз не вмешивался в дела других государств, особенно Америки. Они боялись социалистических идей, коммунистической идеологии и т. д. Но потом стали отходить от этого принципа.

Сейчас на мировой арене происходит изменение баланса сил, к чему оно приведет, трудно сказать. В настоящее время Китай в Африке быстро распространяет свое влияние, как в 1970–1980-е годы там росло влияние Советского Союза. Не США, Франция и другие страны, а Китай, который признан многими африканскими странами как опора, на которую они могут опереться в этом сложном мире, чтобы выжить.

У тех, кто в условиях глобализации нашел для себя выгодное место, нередко возникает желание сохранить его всеми средствами, в том числе с помощью новых подходов. Следует помнить, как много нелепостей делается людьми только из-за стремления создать что-то новое, когда в этом нет необходимости. Когда менять нельзя, менять не следует. Мне кажется, настало время задуматься о российском консерватизме (это прозвучало во многих выступлениях). Нельзя бесконечно заниматься реформами, скоро ничего не останется от той жизни, к которой мы привыкли.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется сэру Тимоти О’Ши, ректору Эдинбургского университета.

Т. О’ШИ: — Уважаемые господа! Для меня большая честь выступать на Лихачевских чтениях. Санкт-Петербург — очень важный город, именно здесь возникает чувство восхищения храбростью, которую проявило население города во время блокады в период Второй мировой войны, а также восхищение архитектурой, культурой, творческой стружкой, которая во многом ассоциируется с именем Д. С. Лихачева. Наши чтения носят его имя. Меня радует тот факт, что Эдинбургский университет одним из первых зарубежных вузов присудил Д. С. Лихачеву степень почетного доктора наук, а Гуманитарный университет профсоюзов стал первым российским вузом, вручившим Дмитрию Сергеевичу мантию почетного доктора. Я признателен СПбГУП за предложение стать почетным доктором вашего Университета.

Чтобы увидеть, что связывает Эдинбург и Санкт-Петербург, достаточно обратиться к истории. Несколько архитекторов, а также инженеров приехали в Санкт-Петербург из Эдинбурга. Кроме того, медицинская система, которая здесь была создана, тоже была основана в Эдинбургском университете. Это наш вклад в формирование Санкт-Петербурга.

Креативность, творчество в России проявляются в том числе и в том, что в XVIII веке княгиня Дашкова стала первым ученым-женщиной, первой женщиной, которая посетила Эдинбург, наш университет. Это пример для молодых женщин. Позже она стала директором Петербургской академии наук. Уильям Робинсон из Эдинбурга приехал в Россию. Здесь мы видим поле для

творчества и креативности в отношениях между нашими городами, относящихся к периоду конца XIX века.

Также в XIX веке в России активно развивалась химия, в частности Д. И. Менделеев исследовал, чем одни элементы отличаются от других. Британские ученые также исследовали вопрос, каким образом соотносятся молекулы, их сходства и различия. Менделеев составил классификацию химических элементов. Но структура молекулы впервые была исследована нашим ученым Карлом Брауном, который, в частности, использовал иголки своей жены для построения первых моделей молекул. В моем кабинете хранится один из первых вариантов таблицы Менделеева, подписанный им.

Связи с Эдинбургом проявляются также и в создании Центра княгини Дашковой, единственного центра подобного рода, в рамках которого проводятся мероприятия, связывающие Эдинбург с Россией. Студенты этого центра посещают Санкт-Петербург и Россию, на некоторых факультетах изучают Россию, приглашают ученых из вашей страны. Это вселяет большой оптимизм. В этом центре мы обсуждаем новые технологии, экспериментируем с дистанционным обучением через Интернет. Мы уже разработали 6 курсов удаленного обучения. Аудитория по всему миру (в Шотландии, Индии, России, Канаде) может воспользоваться ими. Во многих странах мира изучают наши курсы, в России многие занимаются по этим программам. Эти онлайн-курсы, имеющие глобальный выход, распространяются по всему миру. Для этого студенты используют свои электронные устройства (например, так изучали тему распространения и лечения болезней в Африке). Также группа российских студентов начала составлять подобные курсы на русском языке, российские студенты ответили на всемирный вызов. Мы приглашаем проффессуру из разных стран. Это вдохновляет и внушает надежду на будущее.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется профессору Юрию Петровичу Зинченко.

Ю. П. ЗИНЧЕНКО: — В первую очередь хочу поблагодарить СПбГУП за организацию Лихачевских чтений. Конференцию такого масштаба с большими организационными нагрузками выдержит не всякое государство, а Александр Сергеевич уже в 20-й раз вместе со своим коллективом организует этот форум, на который собирается интеллигенция не только из Санкт-Петербурга. Большое спасибо коллективу Университета!

Чтения, как сказал Вячеслав Семенович Степин, прошли как минимум три этапа своего развития. На первом этапе это была классическая форма обычной конференции, потом она превратилась в саморегулируемую, а сейчас стала саморазвивающейся системой. Та площадка и Площадь Лихачева, которые здесь представлены, уникальны и для России. Москва — скорее монологический город, а Петербург — это та площадка, где интеллигенция может вести диалог.

Возвращаясь к диалогу культур, я хочу остановиться не столько на диалоге культур, сколько на диалоге поколений. Потому что о диалоге культур здесь говорили, в том числе о большом разрыве, который сейчас

происходит между старым и молодым поколениями. Новое поколение, которое нарождается и встает у руля, отличается от большинства присутствующих в зале. С одной стороны, существует определенное непонимание, традиционный вопрос отцов и детей (уже много тысяч лет), с другой — определенные явления становятся естественным следствием того, что происходит.

Например, школьная программа и стандарты, которые сейчас введены. Недавно мы обсуждали, сколько глав помним из «Евгения Онегина», а сегодня дай бог, чтобы современный школьник или абитуриент вспомнил хотя бы несколько строк. Мы создали ситуацию, когда Пушкин и Лермонтов стали «лимитчиками» в наших школьных стандартах, а Дмитрий Сергеевич сказал бы, что следующим шагом станет введение русского языка как иностранного в наших школах. В этой ситуации нужно посмотреть на причины этого дисбаланса и определенного дискомфорта, который мы испытываем в общении.

Тема Лихачевских чтений — «Диалог культур: ценности, смыслы, коммуникации». Здесь есть о чем поговорить. Достаточно интересны высказывания по поводу когнитивного диссонанса. Но пока не началась фрустрация, еще есть время что-то изменить.

Ситуация, которая сейчас сложилась в информационном пространстве, больше напоминает информационный феодализм, когда СМИ являются одновременно и средствами коммуникации, и средствами формирования общественного мнения, в то же время принадлежат конкретным группам или силам. В этом смысле феодальная раздробленность средств массовой информации под вывеской, может быть, их независимости на самом деле не способствует установлению нормального информационного пространства. Не способствует этому и отсутствие ценностей, потому что мы говорим, с одной стороны, о правовом государстве, с другой — о правовой культуре. Идеология как факт Конституции была изъята из нашей жизни, поэтому отсутствует система ценностей. Возникает вопрос: к чему должны стремиться дети в школе, как их должны воспитывать учителя? Когда с этими простыми вопросами сталкивается наша педагогическая общественность на уровне школы, то она тоже ничего хорошего нам не дает.

В заключение хотелось бы сказать, что диалог, конечно, интересен и полезен и, наверное, красив как некое искусство, но если к диалогу подходить не просто как к искусству, а как к технологии созидания, то это и будет индикатором эффективности любой идеологической деятельности, который вырабатывается на таких форумах. Это одна из площадок, где диалог может быть эффективным и привести к конкретным результатам.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Приглашаю на трибуну профессора Ренэ Герра. Прошу Вас.

Р. ГЕРРА: — Сегодня я затрону актуальные темы, хотя говорить буду о прошлом. Вчера на дружеском ужине, на котором присутствовали несколько участников этого форума, обсуждался вопрос: является ли Россия европейской страной? Относится ли она к Европе

или к Азии? Честно говоря, меня эта дискуссия немного покорила. Мой доклад, представленный к Читениям, посвящен становлению и развитию культурных отношений Франции и России. На эту обширную тему уже написано немало книг. Традиционное взаимное притяжение и интерес наших стран, двух великих культур имеет глубокие исторические корни, и здесь хотелось бы привести несколько примеров. В XVIII и XIX веках влияние французской культуры в Европе было преобладающим, французский язык был языком общения знати всех европейских государств. Идеи энциклопедистов в XVIII веке были маяком для всех передовых деятелей культуры и искусства. Французский язык играл большую роль в культурной истории и русского народа, и хотя, как отмечал историк Рамон, не обошлось без прискорбных исторических ошибок, дружба, основанная на широте взглядов, общих качествах, великодушии, неразрывно связывала две великие нации. Это было отмечено еще в 1893 году.

Небольшое отступление. Докладчики, выступающие здесь, часто используют термины «диалог», «консенсус» — а ведь это французские слова. Не знаю, какая в русском языке доля заимствований из французского. После реформ Петра I Россия активно включилась в европейскую жизнь, началось ускоренное сближение культур, стали укрепляться торговые связи и развиваться различные формы общения. У русских появился особый интерес к Франции и всему французскому — истории, литературе, искусству, науке, модам и, конечно, языку. С этого момента молодых дворян отправляют учиться не только в Англию и Голландию, но и во Францию. Начиная с 1720 года русские юноши стали приезжать в Брест и Тулон для изучения морского дела. С середины XVIII века в Париж, Лион, Монпелье ездят богатые вельможи Разумовский, Шувалов, Орлов; совершают культурное паломничество литераторы Тредиаковский, Карамзин, Фонвизин. Этот период отмечен бурным ростом культурных отношений Франции и России, к которой французы тоже проявляют все больший интерес. Сегодня один из выступающих говорил об обаянии русского имени — безусловно, это так. Первыми русофилами (без кавычек) под влиянием Екатерины II становятся философы Вольтер, Дидро, д'Аламбер. Французские архитекторы, художники, философы совершают регулярные путешествия в Санкт-Петербург, где им поручают строительство дворцов и возведение монументов. Напомню (хотя все присутствующие об этом знают), что в 1782 году на Сенатской площади в Санкт-Петербурге торжественно открыли памятник Петру Великому работы французского скульптора Фальконе. Дидро проявлял живой интерес к России и верил в ее светлое будущее, следил за прогрессом русской науки, был знаком с работами Ломоносова и учил русский язык, чтобы иметь возможность читать в оригинале произведения русских писателей. Вольтер в особенности интересовался Россией, переписывался с Екатериной II и просвещенными русскими государственными деятелями. Не случайно в 1746 году он был избран почетным членом Российской академии наук. Вольтер написал «Историю Российской империи при Петре Великом», в которой дал высокую оценку его реформам. Интерес России и Франции друг

к другу был взаимным, он немало способствовал культурному обогащению обеих стран. Русские ученые читали французских философов — Вольтера, Дидро, Монтескье, популярна была и французская литература. Помните у Пушкина: «Откупори шампанского бутылку иль перечти “Женитьбу Фигаро”», — весело советует Моцарт Сальери. Книги Ламартина, Руссо переводят на русский Ломоносов, Тредиаковский, Фонвизин и др. В начале XVIII века французские книги в России по количеству изданий занимали третье место после латинских и немецких, а середине того же века переводы с французского составляли уже 55 % от общего числа переводов. В России находили прибежище люди разных сословий — французские дипломаты и военные спасались здесь от революции, протестанты и кальвинисты — от преследования за вероисповедание и т. д. После Октябрьского переворота, как известно, многие русские интеллигенты и приверженцы православия нашли убежище во Франции.

В период с 1789 по 1812 год в Москве была сформирована французская колония. После войны 1812 года в крупных российских городах стали образовываться французские коммерческие компании и товарищества, объединяющие фабричные производства и торговлю.

Позднее, в начале XX века, парижане открыли для себя русский балет и русскую оперу благодаря прославленным Русским сезонам Сергея Дягилева. В тот период Париж был центром культуры, Франция служила вектором всех новых веяний в искусстве, и туда приезжали молодые художники, скульпторы, писатели. Французы гордились значительной ролью своей культуры в жизни России. Увы, Октябрьский переворот 1917 года и 70 лет советской власти отрезали пресловутым «железным занавесом» русскую культуру от европейской, в частности от французской, но это отдельная большая тема. Таким образом, начавшись в XVIII веке, плодотворный и обогащающий обе стороны франко-русский диалог длится и по сей день, и, слава богу, нет этому конца. Спасибо за внимание.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется профессору Шломо Веберу.

Ш. ВЕБЕР: — Я прежде всего благодарен Александру Сергеевичу и Организационному комитету за приглашение и очень рад находиться здесь. Для меня это большое событие, которое я никогда не забуду. Мне довелось в течение долгих лет лично участвовать в диалоге цивилизаций, жить во многих странах различных континентов и регионов — Европы, Азии, Америки, Ближнего Востока. Меня всегда интересовало, каким образом культурные и другие различия определяют поведение людей и особенно экономическое, политическое и социальное развитие. Этот вопрос стал темой моих исследований. Но сначала небольшое отступление. Когда я гулял по Киото, древней столице Японии, то увидел надпись на стене: «Мы различны, но давайте жить вместе, учитывая наши различия». Было бы хорошо, если бы мы больше думали об этом красивом призыве и всегда принимали во внимание наши различия, продолжая, тем не менее, двигаться вперед. Ка-

ким образом это пересекается с моими исследованиями и личным опытом? Я всегда интересовался вопросами различия в обществе, в экономическом, социально-политическом поведении людей. Такие различия являются очень важным фактором. Раньше экономисты действительно практически не обращали внимания на культуру и толковали только об эффективности, но как можно говорить об экономическом развитии, не учитывая культурные различия? Посмотрите на страны Азии, Африки — да на какие угодно!

Культура является одним из определяющих факторов поведения людей, поэтому экономическое, политическое, социальное развитие нельзя рассматривать без учета культуры. Мы различаемся по многим критериям — политическим, языковым, генетическим, экономическим, этническим, религиозным и др. Каким образом все эти различия определяют поведение и развитие общества, особенно в российской действительности, где разнообразие — географическое, религиозное и прочее — имеет огромное значение?

Тут следует отметить несколько важных моментов. Поскольку я экономист, напомню, что все имеет свою цену, и если мы хотим сделать что-то хорошее, то это всегда стоит дорого, требует большого количества ресурсов, так что общество должно принять решение, какого рода разнообразие оно может себе позволить. Неограниченное стремление к сохранению различий может иметь и отрицательные последствия.

Два дополнительных момента. Сегодня коллеги говорили о том, какое прекрасное объединение Европейский Союз. Соглашусь, что в некоторых аспектах это хорошее образование, но и там увеличение степени разнообразия делает невозможным разделение Евросоюза. В ЕС существуют разные блоки — западноевропейские государства, славянские и др. Естественно, что в некоторых странах, например в Великобритании, есть некоторое стремление к выходу из Европейского Союза. То есть вопрос о том, хорошо или плохо то, что есть много различий, — очень сложный. Наверное, иногда хорошо, а иногда до какой-то степени плохо. Это как специи: вы садитесь за стол и сыплете в тарелку соль и перец. Без приправ блюдо будет пресным и неаппетитным, но если с ними переборщить, то есть будет вообще невозможно. То же в социальной жизни: если в обществе избыток разнообразия, то это может вызвать противоречия и нестабильность, что мы и видим на примере Европейского Союза и других международных организаций.

Но самое существенное в наших исследованиях о разнообразии, возможно, заключается в следующем. Представим, что в стране есть несколько разных языковых групп, которые существенно отличаются друг от друга. В России, напомню, насчитывается 125 культур, но есть другая страна, поменьше — Папуа — Новая Гвинея, в которой говорят на 857 языках. Как такая страна может функционировать? А происходит следующее: так называемая стандартизация, в ходе которой некоторые языки «отменяются», объявляются неофициальными, и постепенно страна начинает пользоваться всего 3–4 языками. С одной стороны, вроде бы ничего плохого в этом нет, достигается

большая эффективность документооборота и экономического взаимодействия, но какие чувства испытывают люди, когда им не разрешают обучать детей в школах на родном языке, не учитывают их мнение на высоком уровне? Люди чувствуют себя отодвинутыми на обочину. Это происходит во многих странах: часть населения действительно оказывается вне созидательного процесса и в условиях глобализации фактически теряется. Поэтому такая политика представляется не вполне разумной. Мы хотим добиться прогресса, успешного экономического развития всех стран, но этого никогда не произойдет, если мы не учитываем чувства и пожелания больших групп населения. Должна ли экономика учитывать культуру? Это неизбежно, потому что культура уже есть, она существует и никуда от нее не денешься, хотим мы этого или нет. Даже с чисто практической точки зрения для того, чтобы вовлечь широкие круги населения в созидательный процесс, мы должны подходить к делу разумно и учитывать их пожелания.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Приглашаю к микрофону господина Хекмата Карзая.

Х. КАРЗАЙ: — Дорогие коллеги, для меня большая честь быть приглашенным на Лихачевские чтения. Я второй раз приехал в Санкт-Петербург, и сегодня рад увидеть друзей. Я еще раз убедился, что здесь все окружение служит образовательным целям. Это не только вопрос обучения, я действительно был очень тронут комментариями, которые сделала внучка Александра Пушкина. Мы много говорим о цивилизации, о том, что необходимо улучшать условия жизни, особенно для бедных. И я считаю, что сегодняшний форум представляет прекрасную возможность для обсуждения этой проблемы.

Я написал статью (она доступна в Интернете), в которой подчеркнул несколько основных тем. Прежде всего, почему межкультурный диалог особенно важен в той среде, в которой мы живем? С моей точки зрения это очень важно, поскольку в молодости мне пришлось стать беженцем, я жил в нескольких странах, а затем начал изучать английский и читать англоязычную литературу. Первая книга, которую я прочел, была работа Сэмюэла Хантингтона «Столкновение цивилизаций». Я не согласен с тем, о чем он писал, но есть люди, согласные с его утверждениями. Один из них — всем известный Усама бен Ладен. Много лет назад он прибыл в Афганистан и фактически превратил страну в рассадник международного терроризма, украл нашу культуру, нашу самобытность. Позднее, когда я стал студентом, то понял, что существует очень серьезное столкновение идеологий. Меня научили жить в нашем большом общем мире, быть умеренным. А бен Ладен верил в джихад, в то, что мусульмане непременно должны воевать с Западом. И сейчас мы задаем себе вопрос: как сделать, чтобы мы, все человечество, жили в мире и согласии? Ведь история свидетельствует, что когда идеи мусульманства распространялись по миру (а ислам дошел до Испании, до Кордовы), то между разными религиями не было вражды, мы вели мирные дискуссии. Почему же получилось так, что начала распространяться радикальная идеология, по-

чему на неокрепшие умы постоянно оказывается целенаправленное воздействие? Ведь в прошлом этого не было. Например, когда появилась идея суицидального терроризма, молодые люди стали взрывать себя, потому что они верят в другой мир и надеются попасть туда после смерти. Мы создали образовательный центр, в котором ведем большую просветительскую работу по вопросам прав человека и мирного сосуществования различных культур. Наши студенты приходят к мысли, что у них есть возможность построить лучшую жизнь вместо того, чтобы взрывать себя. До тех пор пока мы не завоеем молодежь, пока не сможем обеспечить ей лучшее будущее, мы не сможем сосуществовать мирно. Нам нужно стремиться к этому, поскольку идеология радикализма распространяется, появляется все больше проблем, и они становятся все сложнее. Решение этих проблем можно найти только с помощью образования.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется профессору Гансу Кёхлеру.

Г. КЁХЛЕР: — Дорогие коллеги, я поделюсь некоторыми соображениями в отношении того, что означает культурная идентичность или самобытность, и что представляет собой диалог между культурами и в широком смысле — между цивилизациями, ведущийся в условиях современного миропорядка, который многие выступающие уже описали через свои размышления, которыми они поделились с нами. Позвольте рассказать мою личную историю. Через несколько лет после того, как рухнул прежний миропорядок, в середине 1990-х годов, мне довелось беседовать с господином Хантингтоном. Мы были на конференции, и темой наших выступлений был как раз диалог цивилизаций, политический мир тогда стремился определить ситуацию, обсудить новые условия взаимодействия между мусульманским миром и остальным. Произошел развал двухполярной системы, и я высказал свою тревогу относительно того, как Запад, особенно США, будет взаимодействовать с Ираком. Сейчас мы знаем, что политика в отношении Ирака привела к огромным жертвам, погибли около 1 миллиона иракцев. Когда возникают политические конфронтации в таком масштабе, начинается борьба при такой разнице в силе, то становится трудно поддерживать диалог между разными культурами в широком смысле, включая и религиозные, и другие цивилизационные особенности.

И вот в этом зале я слышу рассуждения о различных концепциях культурной и цивилизационной идентичности. По существу мы видим, что культурная идентичность не является статичной — это идентичность, на которой я сам основываю свое понимание мира. Миропонимание является результатом сотен и тысяч лет развития культуры и цивилизации, к которой принадлежит человек. Мы наблюдаем следствие очень сложных взаимодействий разных культур и цивилизаций. Если бы этого не было, то в истории культур и цивилизаций не было бы прогресса, человечество до сих пор находилось бы на ранних стадиях развития. И в этом факте мы видим различные аспекты в зависимости от того, как его рассматривать — в международном

или глобальном масштабе. Отношения могут быть нейтральными, мирными, а могут проявляться очень бурно. Их можно рассматривать с точки зрения культуры, экономики, но они необязательно развиваются в форме диалога. Диалог — это греческое слово, которое употреблялось в античной философии; оно подразумевает нечто большее, чем просто сосуществовать и замечать друг друга. Диалог предполагает обмен, аргументацию, возможное взаимообогащение; каждая сторона берет информацию из этого диалога. Например, американские и китайские ученые внесли существенные моменты в понимание истории империй, постарались объяснить, как некоторые империи смогли интегрировать различные культурные самобытности и организовали мультикультурную реальность на своей территории. Такие империи просуществовали дольше, чем те, которые хотели избавиться от всего, что отличалось от культуры доминирующей державы. Если кто-то не может определить собственную идентичность, то он не может и сопоставить ее с другой идентичностью.

В чем заключается основополагающий вопрос диалога в условиях существующего миропорядка? До 1990-х годов мы жили в биполярном мире, в котором был определенный баланс сил, а сейчас мир находится в неравновесном состоянии, деморализующем людей. В результате мы видим, что информационное и экономическое взаимодействие на глобальном уровне сформировало мультикультурную реальность, но на планете все еще есть страны, замкнутые в пределах своих монокультур. Германия была монокультурной, а теперь стала мультикультурной, и можно сказать, что ее культурное разнообразие является политическим фактором. Но, как я уже сказал, баланса сил в мире нет, в то время как диалог предполагает равенство. Западу и Востоку придется находить общий язык, используя парадигму диалога, и ООН должна продолжать свою обычную деятельность. Если же мы допустим столкновение цивилизаций, то получим много проблем, поэтому мы постепенно создаем единый и «многоцветный» мировой порядок. Спасибо за внимание.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Приглашаю на трибуну господина Сюэ Фуци.

СЮЭ ФУЦИ: — Уважаемые коллеги! Мой доклад посвящен политической культуре Кыргызстана, но я не хотел бы рассматривать эту страну с точки зрения абстрактных политических конструкций. Поэтому расскажу об опыте и позиции Китая, который в данном случае является отправной точкой. Начиная с 1860 года, когда Великобритания и другие западные державы с помощью вооруженных сил насильно открыли двери в нашу страну, у нас происходит масштабная трансформация культуры. Этот процесс носит неоднозначный характер. Поражение нашей страны в столкновении с западными державами привело к тому, что некоторые китайские радикалы стали говорить: поскольку мы не смогли обеспечить победу и отстали по всем направлениям, то во всем виновата наша культура, от которой нужно избавиться как можно скорее. Среди мер, которые якобы могли помочь нам в этом деле, даже предлагали ввести латини-

цу! К счастью, такое решение не было принято. Тем не менее это очень сложный процесс, когда страна вынуждена адаптироваться к новым условиям, непривычным и некомфортным. В какой-то период страна была совершенно закрытой (я имею в виду так называемую Великую культурную революцию), затем она снова открылась внешнему миру, и я рассчитываю, что на этот раз надолго. Опыт развития Китая в течение 2 тыс. лет подсказывает, что, возможно, в нашей культуре существует какая-то, условно говоря, «сверхстабильная» глубинная структура, некие константы — картина мира, система ценностей, которые с течением времени, конечно, подвергались изменениям, но в целом сохранились в том виде, в котором они были сформированы много веков назад. И в будущем, я полагаю, развитие нашей страны, достижения и неудачи в большой степени будут зависеть от того, насколько мы понимаем важность этих констант, этой глубинной структуры.

Кыргызстан, наш сосед, — маленькая страна, около 200 тыс. кв. км территории и 5,5 млн человек населения. Я рассматриваю ее с учетом нашего опыта, так как историки считают, что киргизская нация была сформирована примерно в XVI веке, но ее «политическая память» имеет более давнюю историю, и это данность, с которой нужно считаться. В этой стране за 20 лет с момента обретения независимости дважды происходили государственные перевороты, и это говорит о том, что те политические институты, которые были сформированы при прежних президентах, не смогли прижиться на этой земле. Отчасти в этом «виновато» клановое устройство общества. Из-за клановой идентификации в этой стране любой президент, откуда бы он ни пришел, в глазах населения всегда ассоциируется с определенным кланом, поэтому когда он пытается сосредоточить власть в своих руках, то оказывается в абсолютном меньшинстве, настроив против себя население. И в 2005-м, и в 2010 году оба президента не смогли защитить свою власть, понимая, что это приведет к гражданской войне.

Таким образом, и в Китае, и в Кыргызстане (и, наоборот, в любой другой стране с богатыми историческими традициями) залогом успеха является творческая, креативная трансформация. Спасибо за внимание.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Прошу подняться на сцену господина Петера ван Крикена.

П. ван КРИКЕН: — Уважаемые коллеги! Помните, в старом фильме «Жизнь Брайана» герой беседует с аудиторией и в частности говорит, что все люди индивидуальны, а один парень встает и говорит: «А я — нет», то есть он не индивид. Это демонстрирует культурное непонимание. Мне говорили, что в российском менталитете индивидуальность не существует. Я жил во многих странах, в том числе в Ливане, Йемене, Судане, Северной и Южной Эфиопии, Афганистане, Пакистане, недавно более двух лет прожил в Лаосе. Таким образом, я подвергался воздействию многих культур. Могу ли я сказать, что знаю и понимаю их? Нет. Это различные культуры, и я старался коммуницировать с ними, но я не могу заявлять, что понимаю их.

Нидерланды славятся тем, что это очень толерантная страна, однако эта черта не более чем миф. Мы не участвуем в диалоге культур. В моем маленьком городе есть разные начальные школы — протестантская, католическая, исламская, индуистская, то есть мы живем порознь, разделены, и о диалоге даже речи не идет. Если два голландца разговаривают друг с другом, то это, как правило, два монолога. Однако в разных странах я всегда обращаю внимание на количество книжных магазинов и на то, сколько литературы переводится с иностранных языков. В России — много. Похожая ситуация наблюдается в Греции и Испании — переводных книг публикуется больше, чем написанных на новогреческом и испанском языках. Это означает трансграничный культурный диалог в действии.

В одной из своих песен “Pink Floyd” поют: «Нам не нужно образование, не нужно воспитание, учителя, оставьте нас в покое, оставьте нас одних». Мы должны почувствовать, что транскультурный диалог очень важен, и есть абсолютные нормы и ценности, ниже которых мы не должны опускаться. В моей жизни был примечательный случай. Двадцать лет назад в Пакистане я в качестве представителя ООН заведовал лагерем для беженцев. В лагере было два миллиона афганцев, поэтому в моем распоряжении был большой бюджет. Ко мне в офис пришла афганская делегация, и я, сославшись на моего отца (им импонирует уважительное отношение к старшим), сказал им: «Вот деньги, на которые вы можете построить свою школу, но с одним условием. Когда я приду в вашу школу, то должен увидеть, что по крайней мере 40 % ваших учеников — девочки». Они настаивали, что мы должны уважать их культуру, в которой девочки не могут получить образование. На что я ответил: «Понимаю, что вы уважаете свою культуру. Но вы также должны уважать и права человека. Мы предлагаем вам построить школу вот на таких условиях». Они трижды приходили и уходили, но в конце концов согласились обучать и девочек тоже.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Предоставляю слово профессору Жану Терентьевичу Тошенко.

Ж. Т. ТОШЕНКО: — Уважаемые коллеги, я хотел бы продолжить тему молодежи, которую затронул Александр Сергеевич, и ценностей, о которых говорил в своем выступлении Вячеслав Семенович, но сказать об этом языком социологии. На что в основном ориентируется современная молодежь? Первые строчки в списке ценностей молодых людей занимают семья, здоровье, друзья. Иногда их называют первичными, базовыми или социально-биологическими ценностями. Эти вопросы являются отправной точкой в жизни молодого человека, но вместе с тем они вызывают и ряд вопросов. Почему почти каждая вторая молодая семья распадается? Называя здоровье важнейшей ценностью, 70 % юношей и 30 % девушек курят. Что касается более серьезных проблем стабильности жизни, то количество самоубийств среди молодежи у нас в три раза превышает среднемировой уровень. Почему возникают такие противоречия? Молодые люди испытывают сильное влияние геоинформационных процессов.

Вторая группа ценностей — социально-гражданские и социально-экономические, связанные с профессией, работой, карьерой. Здесь ориентация тоже в целом правильная, потому что молодые люди хотят устроиться в жизни, получать определенную поддержку. Однако эти ценности подвергаются серьезному давлению. Практически каждый третий молодой человек сомневается в том, что ему удастся решить проблему с работой, которая обеспечит ему благополучие в жизни. То, что государственная молодежная политика не помогает решать эти вопросы, — тоже большая социальная проблема.

И третья группа — социально-конституционные ценности. Это вопросы позиции гражданина, отношения к своей стране, к власти, проблемы веры. Большинство молодых людей пассивно или безразлично относятся к властным структурам, либо не определились с верой, либо испытывают сомнения насчет того, стоит ли гордиться страной, в которой они выросли, получают образование и намерены жить.

Как решать эти проблемы и с какими трудностями мы сталкиваемся при их решении? Во-первых, молодежи часто, хотя и не всегда осознанно, мешает найти ориентиры в жизни следующий вопрос: к чему мы все стремимся, какое общество хотим построить? Во-вторых, государство не выдвигает таких грандиозных целей, которые вдохновляли бы молодых людей. Боюсь показаться ихтиозавром, но когда-то я был участником ударных комсомольскихстроек в Сибири. Понятно, что комсомольские стройки и целину не вернуть, но есть и другие проблемы, в которых молодежь могла бы проявить активность. Сегодня коллеги говорили о проблемах экологической культуры, проявляющихся в окурках на тротуаре, пивных бутылках и вообще культуре повседневной жизни. Почему бы эти привычные явления не объявить проблемой государственной важности?

В-третьих, отсутствуют нравственные ориентиры. Наши исследования показывают, что до 60 % сейчас не имеют таких ориентиров, остальные называют либо героев классической литературы, либо почему-то людей из шоу-бизнеса или спортивного мира. Нравственные ориентиры не связываются в их сознании с именами ученых, людей труда.

Наконец, в-четвертых, проблемы, связанные с воспитанием, о которых сегодня говорил Александр Сергеевич. Сейчас часто можно прочитать в различных СМИ советы, как завоевать доверие, понравиться работодателю, но нигде не учат быть честными, ответственными, сопрягать свои личные интересы с интересами своей страны и общества. Все проблемы, которые я кратко описал, требуют решения, и от этих решений зависит будущее нашей страны.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Пленарное заседание завершается выступлением профессора Георгия Борисовича Клейнера.

Г. Б. КЛЕЙНЕР: — Я хотел бы прежде всего заявить о своем огромном уважении к этому форуму, который должен стать и будет интегрирующим элементом

российской культуры. Сейчас в Санкт-Петербурге проходит Международный юридический форум, здесь состоится Международный экономический форум, проводится большое количество социологических совещаний — все это замечательно, но нужен некий интеграл, каковым, на мой взгляд, являются Лихачевские чтения, где мы в среде социологов, экономистов, правоведов, философов пытаемся соединить трудносоединимые элементы общественной жизни.

Я хотел бы предложить вам одну метафорическую конструкцию. Мы можем рассчитывать на стабильное развитие страны, когда она подобна определенному кристаллу, устойчивому относительно широкого спектра внешних воздействий. Какова структура этого кристалла, какие части социальной жизни страны должны его удерживать, какие силы притяжения и отталкивания должны действовать внутри для того, чтобы эта структура была устойчивой и мы могли бы рассчитывать на дальнейшее развитие? Ответы могут быть разными, но вот мой вариант. Эта структура включает четыре элемента — государство, социум, экономику и бизнес. Эти четыре столпа составляют системобразующую структуру кристалла, именуемого «страной», а от того, насколько они совершенны, как взаимодействуют, каковы пропорции между ними, зависят, по сути дела, характер страны, стиль и варианты развития. Обычно слово «экономика» рассматривается как синоним «бизнеса», но их необходимо различать. Четыре подсистемы страны — это четыре разные культуры, я бы даже сказал, четыре разные цивилизации. Посмотрите на представителей государственных органов — как они одеваются, держатся, говорят; на представителей бизнеса — это другая культура и цивилизация. А экономика? Посмотрите на экономическую жизнь, на наемных работников, менеджеров предприятий — это третья культура. А население в целом, «простые люди» — четвертая. Интеграция различных сил в стране — задача диалога между этими культурами. Вот почему мне представляется чрезвычайно важной тема, которой посвящены наши Чтения и которая в разных аспектах освещается в выступлениях российских и иностранных делегатов.

Для того чтобы диалог внутри «кристалла» осуществлялся, требуется серьезная доработка системы институтов, определяющих связи между этими четырьмя системами. Исследования показывают, что вообще все эти четыре элемента напоминают структуру квадрата: между диагональными элементами довольно напряженные отношения, и сделать их лучше — сложная, но важная задача; и есть соседствующие элементы, например государство и социум, государство и бизнес. Не случайно сейчас бизнес до такой степени встраивается в государственные органы, что между ними наблюдается некий симбиоз, к которому мы относимся довольно негативно. Однако для того, чтобы организовать правильные взаимодействия между этими четырьмя составляющими, мы должны иметь надлежащие институты. Таких институтов сейчас недостаточно. Возьмем хотя бы элементарный вопрос: кто

должен осуществлять этот диалог? Если представители социума — это физические лица, они обеспечены легитимным законодательством, и мы понимаем, что такое ответственность физических лиц, в экономике у нас нет легитимизированного понятия экономического субъекта. Есть понятие юридического лица, но, во-первых, на одном и том же экономическом субъекте может быть много юридических лиц и, напротив, одно юридическое лицо может доминировать над многими экономическими субъектами. Понятие экономического субъекта как экономического лица, идентифицирующего данную фирму, решило бы многие проблемы нашей экономики. Та же ситуация с предпринимательским лицом: человек, который занят организацией бизнес-проектов, должен иметь возможность быть субъектом некоторых институциональных отношений, а сейчас этого нет. Нет, наконец, и понятия административного лица, если вы имеете дело с государством. Государство большое, как Левиафан, но вас интересует ответственность отдельного государственного органа, который бы считался таким же лицом, как и вы, физическое лицо. Поэтому необходимо изменить всю структуру понятия «лицо», расширив его смысл до уровня, охватывающего все четыре подсистемы.

Предположим, что мы это сделали. Где они будут договариваться, какой институт позволяет объединить на равноправной основе представителей этих четырех систем? Такого института сейчас нет. Ни Государственная Дума, ни Федеральное Собрание в целом эту задачу не решают. Думаю, что назрела необходимость создания некоей, условно говоря, ассамблеи, где были бы представлены административные, экономические, предпринимательские и физические лица. Мне кажется, что Лихачевские чтения, наша с вами совместная деятельность в их рамках — вполне подходящая площадка для проведения подобных идей в жизнь. Благодарю вас за внимание.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Есть такой орган, который вполне в состоянии постепенно начинать заниматься решением указанных Вами, Георгий Борисович, проблем. Его представители присутствуют здесь. Это заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России Евгений Иванович Макаров и представитель Международной организации труда Кари Тапиола. Дело в том, что данные организации развивают трехстороннее партнерство между работодателями, работниками и государством. Со временем и те вопросы, которые вы поднимаете, могут найти решение в рамках этого мощного института. Работники, я думаю, включены в одну из описанных Вами сторон. Наши профсоюзы стремятся также представлять интересы пенсионеров и других малоимущих слоев населения, но это тема отдельного разговора.

Уважаемые коллеги, я хотел бы поблагодарить президиум и всех участников пленарного заседания, мне также очень приятно видеть здесь студентов. Завтра мы продолжим работу на семи секциях, где возобновится обмен мнениями с учетом сегодняшних выступлений.